

Елена Виг

БЕЛАЯ ЛИЛИЯ



Елена Виг

Белая лилия

«Издательские решения»

Виг Е.

Белая лилия / Е. Виг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518648-5

В этом романе есть все: и любовь, и смерть, и мистика, и четкое следование историческим фактам. Действие происходит во Франции 30—40-х годов прошлого века. Предвоенные годы, война, возвращение мирной жизни — все это показано с практически документальной достоверностью. Но главное в этой книге — любовь героев, которую не способны погубить ни война, ни даже смерть.

ISBN 978-5-00-518648-5

© Виг Е.

© Издательские решения

Содержание

КАК ВОЗНИКЛА ЭТА КНИГА	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
Пролог	8
Париж. Весна 1935 год	9
Париж. Конец 1935—1936 годы	25
Париж, Ницца, Тулон, 1937 год	38
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Белая лилия

Елена Виг

Моему мужу – автору идеи и вдохновителю всех моих побед

© Елена Виг, 2020

ISBN 978-5-0051-8648-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Фото Н. ARMSTRONG ROBERTS

КАК ВОЗНИКЛА ЭТА КНИГА

История этой книги, надо сказать, достаточно странная.

Ее сюжет полностью – с начала до конца – приснился моему мужу летом 2020 г.

Приснился, но не забылся при пробуждении, что обычно происходит с нашими снами. А потому он смог утром мне его вполне связно и очень эмоционально изложить, оставив в сторону чашку любимого кофе.

Закончив, он просительно посмотрел на меня: «Ты сможешь об этом написать подробно? Мне кажется, что этот сюжет – не просто сон. Мне его кто-то послал, и поэтому важно, чтобы эта история была рассказана!»

Отказаться я не смогла и на несколько месяцев оказалась исключена из жизни, когда голый каркас начал обрастать плотью фактов, событий, образов, которые обступили меня, едва я открыла дверь в жизнь предвоенной Франции...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Пролог

Колеса стучали тук-тук, тук-тук, тук-тук. Поезд увозил ее из Парижа, а, возможно, и из страны. Про-щай, про-щай, про-щай вторило в такт колесам ее сердце. Когда-то один очень умный человек сказал, что на войне нужно взять все свои воспоминания, спрятать их в самый дальний угол сознания, запереть их там на замок, а ключ убрать с глаз долой до лучших времен. Она так и пыталась жить все это время. И днем ей это удавалось. Но, стоило ей закрыть глаза, он приходил и садился на край ее кровати. Они разговаривали, она чувствовала прикосновение его пальцев к своей щеке. Иногда ей казалось, что только потому она и жива, что ждет приближения ночи, чтобы остаться с ним наедине.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук, вы-жить, вы-жить, вы-жить...

Она закрыла глаза.

– Ты знаешь, что меня увозят от тебя? – спросила.

– Конечно, но это все ерунда. Я всегда с тобой, не бойся, – услышала ответ.

Она не боялась.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук, – стучали колеса.

Вы-жить, вы-жить, вы-жить, – отбивало ритм ее сердце...

Париж. Весна 1935 год

– Господин Пьер, – помощница просунула голову в комнату, чуть приоткрыв дверь, – простите, господин Пьер, но Мари очень просила вас подойти в гостиную.

Ах, как некстати! Он так долго не мог ухватить ускользающий образ, который станет наконец ключом ко всей новой коллекции! И вот сейчас, когда что-то начинает получаться, когда кажется, что еще пара минут тишины и мысль, наконец, обретет ясность, отоляется в форму и цвет – его опять отвлекают! Ну что там могло случиться, что Мари не может решить самостоятельно!? Они уже давно работают вместе, он доверяет ей, как самому себе, а может даже и больше. Она – настоящий профессионал, которому не надо повторять дважды. Так что сейчас не так?

Пьер с досадой откинулся в кресле. Придется идти, а значит, сегодняшний день опять потерян для творчества. Когда он открывал этот Дом моды, то единственное, чего ему было нужно, это место, где он мог бы воплощать в жизнь свои идеи. Придумывать платья, рисовать их, подбирать для своих творений нужную фактуру – вот то, что ему действительно нравилось. А по факту оказалось, что большую часть времени ему приходилось разбираться с клиентками, выслушивать их пожелания, иногда претензии. Как будто он виноват, что его наряд, который он придумывал для молодой и стройной девушки, на пожилой и расплывшейся даме смотрится совсем по-другому.

Но покупатель всегда прав, поэтому надо ублажать и тех, чьи формы не вызывают в нем восторга. И он ублажал, как мог, придумывая различные накидки, скрадывающие полноту, менял длину платья, а, иногда и сам силуэт. После этого у него нередко возникало чувство, что он взял шедевр и грубо замазал его краской, скрыв всю красоту. Но женщины были довольны, платили очень неплохие деньги, что позволяло «Дому моды Монти-Леви» выживать и иногда, правда, значительно реже, чем это ему мечталось некогда, создавать по-настоящему красивые вещи. Вот и теперь он шел по коридору и готовился к разговору с очередной дамой, которой не понравилось то, что она увидела в зеркале, как-будто он мог, как волшебник, поменять это отражение, скинув с нее пару десятков лет и столько же килограмм.

В гостиной он увидел Мари, которая разговаривала с женщиной, стоявшей к нему спиной. Высокая, стройная, небольшая голова на длинной шее, волнистые темные волосы подняты на затылке и заколоты красивым черепаховым гребнем. Одна прядь выбилась из прически и девушка небрежным движением убрала ее за ухо. В этом движении было что-то завораживающее, и он задержался на пороге, пытаясь представить лицо обладательницы этой прекрасной фигуры и шикарных волос. Мари заметила его, что-то сказала девушке, и та обернулась...

Что произошло потом, он помнил уже плохо, потому что шел к ней, как во сне. В гостиной было еще несколько клиенток и закройщиц, кто-то с ним здоровался, он рассеянно отвечал, но видел только ее лицо, повернутое к нему в пол оборота, ее глаза цвета морской волны, опущенные длинными ресницами. Подойдя, он даже не сразу понял, что не поздоровался. Он молча смотрел на незнакомку и ощущал, что хорошо ее знает, хотя встретились они впервые. Девушка тоже молчала.

– Господин Пьер, – прервала неловкую паузу Мари, – это госпожа Боне. Она принесла старинные кружева и хотела бы, чтобы мы сделали ей платье с такой отделкой. Поэтому я рискнула попросить вас прийти.

Мари знала, как ее хозяин не любит, когда его отрывают от работы, и пыталась оправдаться.

– Простите, если это неуместно, но я действительно немного покопалась в бабушкином сундуке и не смогла пройти мимо такой красоты, – госпожа Боне протянула ему рулон тончай-

шего кружева шириной сантиметров десять. В рулоне была как минимум пара метров. – Если вы скажете, что такое сейчас не носят, то я пойму и не обижусь.

– Я попробую что-нибудь придумать, – сказал Пьер, лишь мельком взглянув на кружево, – приходите завтра, я покажу кое-какие наброски.

Он продолжал в упор смотреть на девушку, и это уже стало выходить за рамки приличия.

– Хорошо, – сказала она, немного покраснев, – я зайду завтра. В двенадцать вас устроит?

– Да, конечно. Мари, – обратился он к закройщице, – вы не могли бы взять кружево?

Нам надо его измерить, и потом мы сможем вам его вернуть. Подождете минуту?

– Я вам его оставлю до завтра, не тревожьтесь! До свидания, Мари, до свидания, господин Пьер.

Она слегка поклонилась им обоим и пошла к выходу. Пьер молча смотрел, как она уходит. Вот с мелодичным звоном открылась и закрылась за ней входная дверь. Через непрозрачное стекло он увидел, как девушка повернула налево. Не сказав ни единого слова ошарашенной Мари, он тоже направился к выходу.

Он быстро пошел за ней и догнал на перекрестке, когда она остановилась переждать проходящий транспорт. Пьеру показалось, что девушка не удивилась, увидев его рядом.

– Я что-то забыла или вы меня преследуете? – улыбнувшись, спросила она.

– Преследую. Хочу пригласить вас на чашечку кофе.

– И считаете, что я соглашусь?

– Надеюсь, – сознался он. – Я же не маньяк, и обычно так себя не веду.

Девушка улыбнулась и покачала головой.

– Если гарантируете, что не маньяк, тогда ведите.

Они перешли дорогу и пошли в сторону реки. Оба шли молча, причем ее молчание было понятно: ненормальный кутюрье приглашает клиентку, которую только что увидел и даже имени которой не знает, выпить кофе, и, при этом даже не пытается ее развлечь разговором. А он должен был говорить, он хотел столько сказать ей, но слова теснились в его голове, они мешали друг другу, не желая становиться в очередь. Он вдруг – на своем опыте – понял смысл выражения «потерять дар речи». Похоже, что своим предложением выпить кофе он исчерпал все свои возможности, и теперь просто тонул под волнами нахлынувших на него эмоций.

Они вошли в кафе и сели за столик.

– Кофе? – спросил подошедший официант.

– Да, два, – сказала девушка, так и не дождавшись от него подтверждения.

Официант быстро ретировался, поняв, что этой паре предстоит серьезный разговор.

– Вы так и будете молчать? – спросила девушка, когда официант ушел.

У Пьера был вид человека, которого разбудили от глубокого сна, и который не может сообразить, где он находится.

– Вы, наверно, думаете, что я ненормальный, – наконец сказал он. – Похоже, что так оно и есть, потому что я знаю, что вы – моя жена.

– Господи! Вы точно ненормальный! Вы даже не знаете, как меня зовут!

– Я не знаю, как вас зовут, но я знаю вас, и знаю, что люблю вас, и что мы женаты. Я это совершенно точно знаю, точнее, чувствую, – поправился он.

– Господин Пьер, если бы я не знала, что вы известный на весь Париж мастер, то я бы сейчас же позвала жандарма и сказала, что ко мне пристает какой-то сумасшедший.

– Пожалуй, это было бы правильное решение, – засмеялся он. – Простите, я совершенно не хотел вас напугать. Просто в тот момент, когда я вас увидел, я на мгновение провалился в какую-то другую реальность, в которой мы были вместе, и вы были моей женой. Эта картина была такой яркой, такой реальной! Я понимаю, что со стороны это выглядит полным бредом, ведь я действительно даже имени вашего не знаю.

– Лили, Лили Боне, – она улыбнулась и церемонно подала ему через стол руку.

– Пьер Леви, вернее, Пьер де Леви, но вы это и так знаете.

– Да, конечно, знаю. Кто же в Париже не знает Пьера де Леви!

– Ну, вот видите, возможно, что репутация у меня и не самая лучшая, но я точно не маньяк.

– Я ничего не знаю про вашу репутацию, кроме того, что вы делаете самые красивые платья в Париже, – созналась Лили.

– Спасибо! Даже не знаю, смогу ли я соответствовать столь высокому мнению.

– Уж постарайтесь! Если вы испортите бабушкины кружева, будет страшно обидно! – засмеялась Лили.

Он тоже засмеялся.

– Если я сделаю вам платье вашей мечты, вы выйдете за меня замуж?

– Вы шутите?

– Нет, нисколько. Как ни дико это звучит, но я совершенно серьезно. Конечно, если я вам совершенно не нравлюсь, то я не буду настаивать.

– А платье все равно сделаете?

– О, да! Вы будете в нем самой прекрасной женщиной на земле! Да вы и без него будете прекрасны, – сказал он, и прозвучало это, почему-то, очень грустно. – Вы из тех женщин, которых можно одевать во что угодно, они все равно будут хороши. Таким я не нужен.

– Еще как нужны! Каждой женщине нужно красивое платье!

– Я знаю, что любому бриллианту нужна оправка, но и без оправы он не перестает быть бриллиантом. Вы хоть сами-то понимаете, насколько красивы? – спросил он почти сердито.

Лили растерялась. Этот разговор уже переставал быть легким флиртом. Она видела, что Пьер совершенно серьезен и действительно мучается, хотя не понимала, в чем она виновата.

– Я никогда над этим не задумывалась, – призналась она, – но я думаю, что это ведь не очень плохо?

– Я бы предпочел, чтобы вы не были так красивы, – сознался он, – потому что я бы все равно любил вас и, возможно, у меня было бы больше шансов на взаимность.

– У вас они и так есть, – улыбнулась она. – Кто же может устоять перед вами – таким красивым и талантливым?

– Лили, не нужно надо мной смеяться! – взмолился он, и ей показалось, что он сейчас заплачет.

– А я и не смеюсь, – сказала она без улыбки и посмотрела ему прямо в глаза. – У вас определенно есть шанс завоевать мое сердце, даже если платье мне не понравится.

Отныне они встречались почти ежедневно. Утром Пьер работал в Доме моды, рисовал, принимал посетительниц, обсуждал с ними фасоны и детали отделки, был мил и улыбчив, но часам к пяти сбегал ото всех, быстро переодевался и, пролетев пулей через гостиную, захлопывал за собой входную дверь. Все сотрудники с интересом следили за бурно развивающимся романом и знали, что теперь никакие встречи нельзя назначать на вторую половину дня. Но это совершенно не означало, что хозяин отошел от дел. Наоборот, он был как никогда продуктивен. Утром, когда закройщицы и швеи приходили на работу, они уже видели свет в его кабинете. Между собой они шептались, что, возможно, он и ночует в ателье, хотя чистые и всегда отглаженные рубашки этого не подтверждали. Хотя, кто знает, может быть, просто их запас висел в шкафу в его кабинете, куда не было доступа никому, даже его секретарше. Уборщица, мадам Рено, была единственным человеком, кто мог туда зайти чтобы убрать и протереть пыль. Она же отвечала за то, чтобы у Пьера всегда был запас свежемолотого кофе, который он себе заваривал в большой кружке. Возможно, что ей и было поручено следить за его гарде-

робом. Но, если это и было так, то об этом все равно никто бы не узнал, потому что мадам Рено, молчаливая работающая женщина средних лет, была из тех, кому можно без страха доверить семейные секреты – информацию она не выдала бы даже под пыткой.

Из-под карандаша Пьера выходили все новые прекрасные модели платьев, и никто больше не удивлялся, что условная женщина, на которую эти платья были надеты, на рисунках всегда неуловимо напоминала Лили Боне. Да, эта женщина была прекрасна! Ей, высокой и стройной, как никому подходили платья с длинной узкой юбкой, клиньями расходящейся книзу, укороченные жакеты с расширенными рукавами, отороченными мехом или изысканной вышивкой. Именно для Лили он создал свои платья-костюмы с юбкой и верхом из той же ткани, которые были одновременно и элегантными и практичными. На ее длинной шее так замечательно смотрелись и нити жемчуга, и бусы из цветных камней – малахита, бирюзы, лазурита! Лили была его музой, но живая женщина, которую он каждый вечер видел, была куда больше, чем муза, и возлюбленная вместе взятые.

Пьер уже разменял четвертый десяток. Он был молод, красив, все красивые женщины Парижа с удовольствием шили платья в его ателье, и, естественно, он встречался с некоторыми из них. Это не были серьезные увлечения, но женщины его любили, и он отвечал им взаимностью. Но, когда в его жизни появилась Лили, он не просто почувствовал, что встретил свою женщину, это было нечто большее. Пьеру казалось, что до их встречи он просто не жил, и, если она вдруг уйдет, то и его жизнь кончится. Банальные слова о том, что она необходима ему, как воздух, приобрели совершенно конкретный смысл. Они гуляли, сидели в кафе, разговаривали. Он держал ее за руку и, когда она уходила, еще долго ощущал тепло ее ладони.

Он больше не говорил ей о том видении, которое посетило его в день их первой встречи. Возможно, боялся, что она сочтет его ненормальным, но оставаясь один, он мысленно обращался к посетившим его образам. Вот они идут по бульварам, и она что-то оживленно ему рассказывает. Ее лицо обращено к нему, и Пьер может в подробностях описать цвет ее помады, мягкую шляпу, надвинутую почти до самых бровей и даже пар изо рта при разговоре. На улице холодно, видимо уже зима, потому что на ней надето пальто из плотной ворсистой ткани, отороченное светлым пушистым мехом. Пьер видит, как поддерживает ее за локоть, чтобы она не поскользнулась на замерзших лужах.

Он не понимал, как такое возможно. Сейчас весна, он только что встретил эту женщину, не мог он помнить ничего, что еще не произошло, однако понимал, что это был не сон. Он уже не удивлялся своей неразрывной связи с Лили, тому, что мог с первого взгляда предсказать, в каком настроении она будет сегодня, куда предложит пойти. И именно поэтому Пьер больше не заговаривал о браке, чувствуя, что она еще не готова. Проводив ее до дома в первый день знакомства он, прощаясь, сказал, что будет ждать, когда она сможет его полюбить и стать его женой. Если для этого потребуются годы – пусть! Но это должно быть ее решение, потому что для себя он уже все решил.

– Хорошо, – сказала она серьезно, – договорились.

Когда Лили сказала Пьеру, что не знает, что она красива, она немного лукавила. Ей шел уже двадцать первый год, она была из довольно состоятельной и уважаемой семьи и понимала, что если она только этого захочет, то желающие на ней жениться выстроятся в длинную очередь под ее дверью. Ее мать, Этель Боне, была озадачена тем, что дочь не проявляет никакого интереса к замужеству. На все разговоры об этом Лили только пожимала плечами и фыркала, как норовистая кобыла. Отец в этих перепалках, к счастью, участия не принимал, потому что его мнение в семье было законом, и, если бы он решил, что Лили пора выходить замуж, ей пришлось бы покориться и начать искать себе подходящего мужа. А ей куда интересней было помо-

гать отцу в его делах, вести переписку с клиентами и поставщиками на трех, помимо французского, языках – английском, испанском и португальском, которые она довольно прилично знала. Семья владела сетью магазинов, торгующих чаем, кофе и специями, а также португальскими винами, которые поставляли их родственники, жившие в Португалии. Лили всегда казалось, что разбираться в сортах кофе куда интереснее, чем быть замужней дамой и выращивать выводок детей!

Появление Пьера внесло сумятицу в ее жизнь. Не то, чтобы она мгновенно в него влюбилась. Да, он был красивый, умный, светский, утонченный и, к тому же, талантливый. Но не это было главным. Он был не такой, как все. Вокруг нее было много молодых людей, готовых говорить ей комплименты, и это было ужасно скучно. Лили заранее знала, что скажет ее собеседник в той или иной ситуации. Все ее знакомые были, как говорится, «из хороших семей», а поэтому – вежливые, галантные и совершенно предсказуемые. Она нравилась им, но никто не пылал к ней страстью – в их кругах это было не принято.

Глядя в глаза Пьеру, Лили видела, что он действительно одержим ею, но это его чувство ее не пугало, а, скорее, привлекало, как тянет к себе открытый огонь в холодную пору. Они встретились на следующий день в ателье, и он принес штук пять вариантов платьев, отделанных кружевом – одно прекраснее другого. На каждом рисунке внизу была нарисована белая лилия.

– Это ваша подпись? – спросила она Пьера, разглядывая изысканный цветок.

– Нет, это ваш знак, не мой, – ответил он.

– Ну, конечно, – улыбнулась она, – ведь я же Лили, как я сразу не сообразила!

– Нет, дело не в имени. Просто оно очень подходит вашему образу, а цветок – суть этого образа.

– Я – цветок?

– Да, и притом прекрасный!

– Я должна это воспринимать, как комплимент? – спросила она.

– Нет, как данность, – ответил он без улыбки.

Он вообще был очень серьезным, с ним нельзя было вести легкую светскую беседу ни о чем, во всяком случае, ей. С другими своими клиентками он, возможно, и был светским львом, но только не с ней, и ей это чрезвычайно импонировало. Словом, не прошло и месяца, как Лили влюбилась в этого странного мужчину, так мало похожего на всех окружающих. А, полюбив, испугалась. Одно дело – любить, а другое – стать женой. Ей нравилось, как она сейчас жила: работа в фирме отца по утрам, прогулки и вечерние рестораны с Пьером, и ей не хотелось что-то менять. Муж, дети, ведение собственного дома – к этому она была не готова. Лили совершенно не понимала, что ей делать: ей не хотелось выходить замуж, но и потерять Пьера она тоже не могла.

Как всегда, он почувствовал изменение ее настроения.

– Лили, тебя что-то беспокоит? – спросил он.

Они шли по Люксембургскому саду, их любимому месту прогулок. Шелестели листья деревьев, шуршал гравий под их ногами. Лили долго молчала, собираясь с мыслями. Но, в конце концов, только он и мог разрешить эту дилемму, поэтому она честно поделилась своими сомнениями.

– Понимаешь, я люблю тебя, – сказала она, – но я не хочу выходить за тебя замуж.

Он остановился, взял ее за руки и повернул к себе, чтобы лучше видеть выражение ее лица. Она не сопротивлялась и даже рискнула посмотреть в его глаза.

– Объясни мне, почему ты не хочешь за меня замуж, – не грубо, но требовательно спросил он.

– Я не за тебя не хочу замуж. Я вообще не хочу замуж. Если бы я хотела, то ты был бы единственным, за кого я бы вышла, но я не хочу.

– Но почему?

Лили аккуратно освободилась от сдерживающих ее рук, и они молча продолжили движение по парку.

– Вот, пойми, – сказала она после некоторой паузы, – я смотрю на свою мать. Она очень красивая и умная женщина. Она играет на фортепьяно, с детства этому училась, читает и говорит на трех языках. Она из очень культурной семьи, где всем детям давали прекрасное образование. Зачем? Она вышла замуж в девятнадцать, а через год уже родилась я. Потом было еще двое детей, которые умерли, а сейчас у меня еще две младшие сестры. Ей сорок, у нее было пятеро детей, большой дом, в котором, несмотря на прислугу, ей хватает работы. И что? Для чего она училась? Ты думаешь, она сейчас играет на фортепьяно? Редко, совсем редко. Да, она обучила меня и сестер, она переписывается с родственниками на их языке. Но могла бы и на французском, они все этот язык знают. Зачем она училась? Ты можешь мне ответить?

– А она несчастна?

– Я не знаю, не думаю. Она принимает жизнь такой, как она есть, а у меня так не получается. Для нее замужество, выращивание детей – это норма.

– А ты не хочешь детей?

– Не то, чтобы совсем не хочу. Я просто не хочу становиться только женой и матерью, понимаешь?

Пьер кивнул. Он понимал, действительно понимал, что Лили – нечто большее, не только жена и мать. Он тоже это чувствовал.

– А кем ты себя видишь?

– Ах, если бы я знала! Вот я сейчас помогаю отцу, пишу письма, связанные с его торговлей. Он мне объясняет, что и как там устроено, и мне это нравится. Но я же понимаю, что я никогда не смогу занять его место.

– Почему? У него же нет наследников мужского пола.

– Потому что в нашей среде женщины этим не занимаются, – в сердцах сказала Лили. – Он, скорее, оставит руководство фирмой кому-нибудь из моих кузенов, но не мне. Об этом не может быть и речи. Да и мама никогда бы ему это не позволила. Она бы сказала, что работают только те женщины, которые должны сами зарабатывать себе на жизнь, а я не такая. Просто прошлый век какой-то!

Они опять, молча, шли под кронами деревьев. Пьер пытался понять, что значит для него это признание. Он понимал, что влюбился в необычную женщину, и мучительно пытался найти выход из этого патового положения.

– Теперь, наверно, ты бросишь меня, – грустно сказала Лили.

– Брошу? – он опять остановился, – Нет, конечно нет! Я не могу тебя бросить, даже если бы и хотел.

В его взгляде Лили опять увидела обреченность.

– Так что же нам делать? – спросила она.

– А если я скажу, что уважаю твои желания, что никогда не буду препятствовать твоим занятиям бизнесом, а детей мы заведем только тогда, когда ты сама этого захочешь?

– Так не бывает.

– Так бывает, – уверенно сказал он. – Это не очень просто, но так бывает.

Лили впервые подумала, что у этого тридцатилетнего мужчины может быть куда больше опыта в этой сфере, чем у нее.

– Я знаю, – продолжал он, – что католическая церковь не приветствует какие-либо средства предотвращения беременности, но они есть, и многие люди ими пользуются. Полной гарантии, конечно, нет, но, если ты сейчас не хочешь заводить детей, то мы можем попробовать этого избежать.

– Я ничего об этом не знаю, – краска стыда залила ее лицо. – Ты даже не представляешь, как неловко мне говорить с тобой об этом.

– Я и не думаю, что ты будешь говорить со мной. Я понимаю, что и твоя мама тебе здесь не помощник, но есть же врачи!

– Да, да, конечно.

Лили опустила голову и пошла вперед, стыдясь, что этот разговор перешел вдруг в такую физиологическую плоскость. Пьер молча шел рядом, понимая, что ей нужно собраться с мыслями. Они дошли до свободной скамейки, стоящей под большим платаном. Лили остановилась.

– Пьер, если ты сейчас попросишь меня стать твоей женой, то я скажу «да». Но я хочу, чтобы ты сам все очень серьезно взвесил.

– Дорогая, – начал он.

– Нет, постой, не перебивай меня. Я не один день думала над этим. Мы друг другу не пара.

– Не пара? Что ты имеешь в виду? – он был совершенно ошарашен этим заявлением.

– То, что твоя знатная семья ни за что меня не примет, несмотря на все мои деньги.

– Сейчас двадцатый век, моя личная жизнь их не касается, да и, честно говоря, похоже, не слишком волнует.

– Я не знаю, в каких ты отношениях с семьей, но думаю, что ты этот фактор недооцениваешь. Ты пойми, они никогда не смирятся с тем, что ты, знатный дворянин, собираешься жениться на дочери торговца.

– «Знатный дворянин! Ах, какой мезальянс!» – передразнил он Лили, – Да ладно, я это переживу. Никто и ничто не помешает мне жениться на тебе, если ты меня любишь.

– Люблю.

Он впервые обнял ее и привлек к себе.

– Тогда решено! Мы женимся!

Но Пьер знал, что, к сожалению, Лили права: хотя он и принял решение, но понимал, что его отношения с семьей, и без того непростые, после его женитьбы осложнятся еще больше.

Он действительно происходил из дворянской семьи, корни которой уходили в глубокую древность. Бароны де Леви имели большие владения на юге Франции, которые много веков прирастали благодаря удачным бракам. Среди его предков были и знаменитые воины, и священники высокого ранга, а также дипломаты и общественные деятели. Словом, было, кем гордиться, о чем отец Пьера не уставал ему напоминать, когда тот был еще ребенком. Сам он очень серьезно относился к своему происхождению и требовал того же от сына. Нежелание последнего идти учиться в военную академию, отец воспринял, как личное оскорбление, грозил отправить его туда силой, но подоспела война, которая поменяла его планы. Вернее, их поменяла мать Пьера, категорически вставшая на защиту единственного сына. Она сказала тогда, что не допустит, чтобы ее мальчик был пушечным мясом ни в какой войне, пусть не в этой, так в следующей, и барону де Леви пришлось отступить. Это был первый раз, когда родители оказались по разные стороны баррикады, но за матерью, хоть и не было кучи знатных родственников, но были деньги – неопровержимый аргумент в любом споре. Отцу пришлось отступить, и он никогда не простил этого сыну.

С тех пор они существовали в параллельных мирах, стараясь без особой необходимости не контактировать. Семейные обеды проходили в молчании, которое сначала было напряженным, а потом – привычным. Родители Пьера давно жили в разных концах их большого дома, у каждого была своя жизнь и свои роли в браке. Они всегда в гости выезжали вдвоем, не давая повода для сплетен, но сами посторонних людей предпочитали в доме не принимать. Пара званных обедов в год по случаю дней рождения – тот минимум социальных обязательств перед светским обществом, который они неукоснительно выполняли, но этим и ограничивались.

Пьеру такие взаимоотношения в семье казались нормальными, он иных и не видел. Мать он любил и уважал, но, положив руку на сердце, не мог сказать, что они были очень близки друг другу. У него были няни, бонны, потом учителя. У матери была своя жизнь, в которой маленькому мальчику отводилась определенная роль, но явно не главная. Во время войны, когда отец жил в Париже и работал на правительство, Пьер с матерью некоторое время жили у ее родственников в Ницце. Именно там он впервые увлекся рисованием. Когда война закончилась, отец вернулся в имение, и семья опять воссоединилась, но ненадолго, потому что Пьер понимал, что рисованию он не может учиться дома.

Вопрос о том, где он будет получать образование, был адресован, естественно, не отцу, с которым они практически не разговаривали. Да и деньги в их семье были не у отца, а у матери, семья которой, может, и не была такой же знатной, но владела крупными виноградниками на юге Франции. Было решено, что он поедет в Париж в школу декоративных искусств. Ему тогда было шестнадцать лет. Перед его отъездом мать сказала ему следующее: «Учти, что деньги я даю тебе на обучение, а не на прожигание жизни. Если ты не станешь профессионалом, то не жди, что я буду кормить тебя и дальше только потому, что ты мой сын. Человек должен работать, тяжело работать, а не прохлаждаться. В этом я полностью согласна с твоим отцом, а ты знаешь, что я не часто с ним соглашаюсь. Я не заставляю тебя быть тем, кем ты не хочешь, но, если уж ты выбрал путь художника, ты должен им стать. Тебе ясно?». Пьер подтвердил.

Вспоминая свои первые годы в Париже, Пьер и сейчас не понимает, как ему, провинциальному избалованному подростку, удалось в этом потрясающем городе, полном всяческих соблазнов, не только не пропасть, но и найти свой путь. В этом, конечно, была немалая доля случайности. Его работы по курсу античности случайно увидел человек, которому нужен был художник по костюмам для театральной постановки по античным трагедиям. Костюмы, сделанные по его эскизам, понравились владельцу модного ателье, который искал дизайнера, но не мог ему много платить. Молодой, только что закончивший курс, художник было как раз то, что надо. Так Пьер пришел в мир женской моды, думая, что приходит лишь на время, пока не подвернется что-то более интересное, а оказалось, что навсегда. Он рисовал платья, аксессуары, стал очень востребованным и модным. Он создавал свой мир и когда видел, как его идеи претворяются в жизнь, становясь платьями или украшениями, то понимал, что выбрал правильное направление. Через несколько лет он понял, что готов открыть собственное ателье. Дело было за малым – нужен был стартовый капитал.

Пьер отлично помнит, как приехал к матери просить денег. В подарок он привез ей платье, сшитое по его эскизу. Для того, чтобы его сделать, он в один из своих предыдущих визитов домой пробрался в ее гардеробную и снял мерки с платьев, которые там висели. Наверное, никогда он так не волновался, что его изделие может не понравиться заказчице. Он вручил матери сверток сразу по приезде, та, не разворачивая его, довольно холодно поблагодарила. Потом они пошли обедать. Отец задал несколько дежурных вопросов, и Пьер даже не был уверен, что тот услышал ответы. Месье де Леви всегда сидел с таким выражением лица, которое могло означать только скуку и желание скорее избавиться от собеседника. После обеда он ушел к себе, что дало Пьеру возможность поговорить с матерью с глазу на глаз. При том, что мать всегда была на его стороне, в вопросах денег она была очень строга и расчетлива. Пьер изложил свою просьбу, представил расчет, обосновывающий запрашиваемую сумму. Мать его, молча, выслушала и, когда он закончил, спросила:

– Почему ты думаешь, что справишься с управлением Домом моды? Я знаю, что ты умеешь рисовать красивую одежду, что ты уже пять лет в этом бизнесе и хорошо представляешь весь процесс. Но ведь тебе придется не только рисовать. Тебе нужно будет организовывать все, работать с клиентками, закупать ткани, бороться с конкурентами. Тебе придется ходить на приемы и общаться с людьми, с которыми тебе не очень интересно, потому что именно их жены будут покупать твои изделия. Ты уверен, что готов к этому?

– Ах, мама, конечно, я не уверен! Но мне надоело, что я придумываю вещи, а они выходят под чужим именем. Я как раб тружусь на этого хозяина, а меня так никто и не знает.

– Так откуда ты знаешь, что клиентки придут к тебе, а не к нему, если они тебя не знают?

– А что он сможет им предложить, если меня у него не будет?

– Он возьмет кого-то другого на твое место.

– Это будет уже не то.

Мать задумалась.

– Согласна, – сказала она после паузы, – но тебе ведь придется все начать с нуля. Прежде, чем женщины разберутся, ты можешь прогореть.

– Могу, – согласился он, – но не прогорю. У меня есть несколько хороших клиенток, они и сами придут, и приятельниц приведут.

Впервые за весь разговор мать улыбнулась.

– Ах, – Пьер пересел на стул поближе к матери, – если бы мы могли работать вместе, то из нас с тобой получилась бы отличная команда. Я не знаю другой женщины, которая бы так трезво мыслила, умела бы так обращаться с деньгами. А на приемах тебе вообще не было бы равных! Ты же знаешь, что я ненавижу эти светские мероприятия.

– Если бы я всего этого не умела, – сказала мадам де Леви, – мы давно стараниями твоего отца были бы нищими.

Это был первый и единственный раз, когда она позволила себе критиковать мужа в присутствии сына.

– То, что ты просишь – серьезная сумма. Я должна все взвесить, – сказала она вставая. – Отложим этот разговор до завтра.

Утром она появилась к завтраку в платье, которое Пьер привез ей в подарок. Она не стала его благодарить, даже не сказала, что оно ей нравится, а Пьеру и не нужны были ее благодарности. Он видел, что наряд совершенен, и мать это тоже понимала, хотя делала вид, что это просто платье.

– Я дам тебе денег, – сказала она, – но у меня есть два условия. Первое – управляющего твоим ателье я сама тебе подберу. Он не будет вмешиваться в творчество, но будет заниматься твоими финансами. Я хочу, чтобы это был человек, которому я доверяю.

– Прекрасно! Я буду только рад.

– И второе – это ателье будет принадлежать мне и будет носить мое имя, а не твое. Когда ты заработаешь достаточно денег, чтобы вернуть мне долг, можешь называть его Дом моды Леви, а до тех пор это будет Дом моды Монти.

– Но почему?

– Я не обязана тебе это объяснять, – сухо сказала она. – Просто: мои деньги – мое имя.

– А если я не соглашусь?

Мать, молча, только руками развела. Пьер начал ходить из угла в угол, стараясь понять, в какую ловушку он попадает. Раньше он работал на чужой дом моды и страстно хотел избавиться от этой кабалы. Ему хотелось, чтобы его имя узнали. Ему хотелось славы, черт подери! Ему было двадцать пять лет и ему хотелось славы. Разве он этого не заслужил? Но, с другой стороны, он ведь тоже наполовину Монти. Так чего он так переживает?

– Ты, как владелец, будешь вмешиваться в мое творчество?

– Только если оно начнет приносить убытки, – сказала мать. – Пока ты работаешь с прибылью, можешь делать то, что хочешь. Я верю в тебя.

Вот эти последние четыре слова и перевесили чашу весов.

– Я согласен, – сказал Пьер. – Вот и поработаем вместе. Мы теперь одна команда.

Только много лет спустя Пьер узнал, что давать ателье имя «де Леви» запретил отец, который боялся, что у сына ничего не выйдет с этой затеей, и он тем самым опорочит славное имя военачальников и епископов. Отец оказался не прав: через четыре года после открытия

Пьер смог выплатить матери сумму стартового капитала, но он не стал убирать ее фамилию из названия фирмы, а лишь добавил свою. Теперь это был «Дом моды Монти-Леви».

Думая об опасениях Лили, Пьер понимал, что ей никогда не удастся вписаться в их семью. Да и зачем? Отношения его с отцом были холодно отстраненными. Пьер никак от него не зависел материально и мог не считаться с его мнением. Он, конечно, был единственным наследником, но даже за все золото мира не стал бы подчиняться человеку, дороги с которым у него разошлись много лет назад. Ему было очевидно, что, несмотря на все достоинства Лили, отец будет ее презирать так же, как любого человека «неблагородных кровей». Совсем другое дело – мать. Возможно, не будь в их семье стольких условностей, эти две женщины могли бы подружиться. Они в чем-то были даже похожи: обе были умны, энергичны и обеим было тесно в рамках той роли, которая была им отведена обществом. Но, все-таки, Пьеру было сложно представить дружбу между сдержанной и даже немного сухой матерью и открытой и порывистой Лили. Он только надеялся, что мать будет вести себя цивилизованно и вежливо, а его будущая жена поймет, что от новых родственников не надо ждать тепла или любви, а надо просто принимать их образ жизни и стиль общения, как данность, в те редкие случаи, когда им придется общаться.

Хотя Лили и согласилась стать его женой, но еще пару недель Пьер ждал приглашения в дом Бонэ, чтобы поговорить с ее родителями. Он ее не торопил, но в глубине души был несколько обеспокоен, понимая, что Лили не решается сказать им о своем решении. Наконец день встречи был назначен, в воскресенье он должен был у них обедать. Это не был званый обед, должна была быть только семья.

– Ты нервничаешь? – спросила его Лили, открыв дверь и беря у него букет роз, предназначенный ее матери.

– Заметно?

– Немного заметно, – улыбнулась она. – Гарантирую, что тебя здесь не съедят.

Действительно не съели. Этот дом понравился ему с первого взгляда. Про интерьер можно было сказать, что он, скорее, элегантный, нежели богатый. Здесь не было никакой вычурности: спокойная темная мебель, много картин на стенах. В центре комнаты два больших низких дивана с множеством цветных подушек, на полу большой ковер с восточным орнаментом. Все здесь было дружелюбным, располагало к отдыху и расслаблению.

То, что происходило за столом, тоже разительно отличалось от того, к чему он привык в своей семье. Это было веселое застолье без особых церемоний. Никаких слуг в униформе, приносивших и уносивших бесконечные перемены блюд. Стол был накрыт изысканно и обильно. Каждый брал, что хотел, а служанка появлялась только тогда, когда нужно было унести пустые тарелки и принести полные. Практически сразу Пьер почувствовал гостеприимство этого дома: ему улыбались, расспрашивали о его работе, слушали с искренним интересом.

Его не смущало даже то, что младшие сестры Лили – двенадцатилетняя Адель и десятилетняя Розали с нескрываемым интересом рассматривали его, не особо заботясь о приличиях. Он подмигнул младшей, и та прыснула со смеха, получив замечание от матери, которая пыталась казаться строгой, но, на самом деле, не особо переживала, что ее дочери могут гостю показаться невоспитанными. Во всем этом женском мире царил господин Бонэ, мужчина чуть за пятьдесят, с крупными чертами лица и большими глазами такого же цвета, как у Лили. Когда отец и дочь сидели рядом, то было видно, что они похожи не только цветом глаз, но и чем-то неуловимым, что кроется не во внешности, а значительно глубже – в чертах характера, в способе мыслить, в реакции на окружающих. Было очевидно, что Лили – папина любимица: он внимательно слушал, что она говорила, кивал в знак согласия, и в его взгляде Пьер увидел

то, чего никогда не было у его собственного отца – гордости творца за свое произведение. Лазар Бонэ снисходительно следил за щебетом своих мелких пташек, отпускал немного ироничные замечания, но, когда они уж слишком расшалились, то одного движения его бровей было достаточно, чтобы за столом ненадолго воцарилась чинная тишина.

Когда с десертом было покончено, господин Бонэ пригласил Пьера в свой кабинет.

Там он налил коньяк в бокалы и предложил Пьеру сигару. Тот отказался и только наблюдал, как хозяин дома задумчиво разминает ее длинными красивыми пальцами.

– Вы, конечно, понимаете, господин Бонэ, что я пришел сюда просить вашего разрешения жениться на Лили, – наконец сказал он. – Я полюбил ее, как только увидел. Вернее, мне кажется, что значительно раньше, хотя это и сложно объяснить. Я счастлив, что ваша дочь ответила мне взаимностью.

Бонэ, молча, продолжал держать сигару в руках, как будто забыв, для чего она предназначена.

– Вы мне очень нравитесь, – сказал он, наконец. – Я знаю, что Лили тоже любит вас, мы вчера долго с ней об этом говорили. Я понимаю, что, если она решила, что хочет за вас замуж, то я не могу этому препятствовать. Но, если бы вы оба действительно спросили моего мнения об этом браке, то я бы сказал «нет».

Тишину, наступившую после этих слов, казалось, можно было резать ножом.

– Почему? – наконец спросил Пьер.

– Потому, что вы друг другу не пара.

Бонэ сказал то же, что сказала тогда Лили. «Неужели и он придерживается тех же классовых предрассудков?», – подумал Пьер. Но Бонэ как будто услышал этот невысказанный вопрос.

– Вы не подумайте, что я говорю о вашем дворянском происхождении. Это все глупости! Моя девочка хорошо воспитана и образована и за нее не будет стыдно ни в каком обществе.

– Тогда в чем проблема? – не понял Пьер.

– Проблема в национальности. Вы француз, а мы – евреи. Крещеные, но евреи.

– И что? Какое это имеет значение?

– Для Вас, может быть, и никакого. А вот для остальных...

– Вы имеете в виду моих родителей? Уверю вас, что их мнение по этому вопросу меня не интересует.

– Это я вполне допускаю. Вы современный, самостоятельный человек с нормальными взглядами. Кстати, раз уж мы скоро станем родственниками, то, может быть, нам перейти на «ты»?

Пьер кивнул, надеясь, что теперь разговор станет еще более доверительным.

– Так вот, Пьер, я хочу, чтобы ты понимал ситуацию. Сейчас очень непростое, очень опасное время. В соседней стране, в Германии к власти пришел человек, биологически ненавидящий евреев. Он не разбирается, кто крещен, а кто нет. Люди бегут оттуда, бросают все, что имеют. Ты ведь слышал об этом?

– Да, думаю, что кое-что слышал, но...

– Вот именно, что «но». Тебя это не касается, ты можешь на это закрывать глаза. Каких-то евреев, откуда-то выгоняют. Прости, я не хочу тебя обидеть, но отлично понимаю, как ты воспринимаешь эти факты.

Пьер не возражал. Он действительно не особо задумывался над тем, что в Париже появилось много людей, которые бежали из Германии. Эти люди преимущественно были евреями, некоторые даже не бедствовали, учитывая, что их жены и дочери приходили в его Дом моды заказывать себе одежду.

– Но какое отношение Гитлер имеет к нам? Мы живем в нормальной стране.

– Не будь так наивен! Очень скоро Гитлеру станет мало Германии, и он замахнется на весь мир. Тогда здесь будут те же порядки, что и там.

– Я не думаю, что это возможно, – возразил Пьер.

– Еще как возможно! Я понимаю, что ты не следишь за политическими событиями в стране. Я не упрекаю тебя, но поверь мне, у нас тоже найдется масса людей, которые будут рады приходу Гитлера.

– Я, все-таки не думаю, что Германия будет воевать с нами. Одну войну она уже проиграла. Но, даже если они и рискнут напасть на другие страны, то неужели мы не сможем дать им отпор?

– Не уверен. Я, конечно, патриот, но не очень-то я верю в силу нашего оружия, уж прости меня. Наши политики больше думают о борьбе друг с другом, а не с внешним врагом. Правые против левых, фашисты против коммунистов... А ведь немцы очень опасны, у них более мощная экономика, а, если они подомнут под себя еще и восточных соседей, то мы не сможем им противостоять. И, к тому же, не забывай про Италию.

– А что с Италией?

– Муссолини – это тот же Гитлер. Пусть он менее кровожаден, но, по сути, у них больше общего, чем тебе кажется. Если они объединятся, то война будет практически неизбежной.

– Но Муссолини ненавидит Гитлера.

– Мой дорогой, это всего лишь слова. Даже договоры, подписанные на бумаге, ничего не значат в политике, а уж слова...

Пьер молчал. Ему нечего было возразить Лазару Бонэ. Было очевидно, что, в отличие от него самого, его будущий тесть хорошо разбирается в этих вопросах. Для Пьера политика была чем-то отвлеченным. Его стихией были цвета, линии, формы. До тех пор, пока женщины хотят быть красиво одетыми и могут за это заплатить, политика его не очень волновала. Похоже, он впервые общался с человеком, который воспринимал отношения между мировыми державами как что-то очень личное.

– Я это тебе к тому говорю, что если Гитлер придет во Францию, то с французскими евреями будет то же, что и с немецкими.

– Их будут притеснять в бизнесе?

– Притеснять в бизнесе?! Нет, ты, похоже, просто не понимаешь, что здесь будет, если говоришь только о притеснениях в бизнесе! Речь идет о физическом уничтожении...

– Но Германия – цивилизованная страна, – попытался возразить Пьер.

– Да, такая цивилизованная, что когда-то не постеснялась отравить газом тысячи солдат под Верденом! Они не остановятся ни перед чем, и я не хочу, чтобы моя семья попала в эту мясорубку. Можешь считать меня параноиком, но, когда начнется эта заваруха, я хочу, чтобы мы все были подальше от нее.

– А как же ваши магазины?

– Я надеюсь, что еще есть немного времени, чтобы все устроить, – грустно сказал Бонэ.

– Вы хотите уехать из Франции?

– Да, я об этом серьезно думаю. Именно поэтому я не очень рад тому, что Лили хочет выйти за тебя замуж и потому останется во Франции. Это будет для нее очень опасно!

– Но она же крещеная католичка. К тому же, она будет моей женой.

– Не уверен, что это будет серьезным аргументом в ее пользу, – грустно улыбнулся Лазар Бонэ. – Я много говорил с людьми, которые были вынуждены бежать из Германии. То, что там происходит, реально страшно. Мне было бы спокойнее, если бы она, если бы вы оба, поехали с нами.

– Мы оба? А как же Дом моды?

– Вот видишь, ты еще не женился на моей дочери, а тебе уже приходится делать непростой выбор. Об этом я и говорю...

Бонэ увидел, каким несчастным сделалось лицо Пьера.

– Я не могу без Лили, и не могу без моей работы, я вложил в нее столько сил, – сказал он.

– Я знаю. Ладно, еще есть время подумать. Я доволен, что сказал тебе все это. Лили еще ребенок, она любит тебя и не хочет больше ни о чем слушать. Будем надеяться, что ты все-таки умнее ее. Пойдем к дамам, может быть, нам там нальют чашечку кофе, – сказал он, вставая, и тем самым подводя черту под этим тяжелым для них разговором.

Свадьбу назначили на начало сентября. У Бонэ было много родственников, живших во Франции и не только. И конечно, все они должны были успеть получить приглашение и приехать, чтобы поздравить «дорогую Лили».

– Тебе придется это пережить, – безапелляционно заявила она на его робкие возражения, что лучше все сделать скромнее, но быстрее, – в нашей семье так принято! Скорее всего, многие не приедут, но они должны получить приглашение и иметь такую возможность.

Да, это был другой «монастырь», и в нем был другой устав. Будь Лили равной ему по положению, его родня бы тоже должна была собраться в полном составе. Но, когда Пьер объявил родителям о своем решении жениться, отец жестко сказал: «Это люди не нашего круга» и вышел из комнаты без дальнейших комментариев. Хотя Пьер и привык к такому обращению, но все равно он был задет. Мама это, конечно, понимала, потому что встала со своего места и, подойдя к креслу сына, обняла его за плечи.

– Дорогой, не расстраивайся из-за пустяков. Все это не имеет никакого значения, поверь мне, – сказала она. – И потом – я-то приеду обязательно!

На это замечание Пьер только молча взял руку матери, и приложился к ней губами.

– Не забывай, что его собственный брак был тоже мезальянсом по мнению его родственников – вынужденным способом поправить материальное положение сильно обедневшего знатного рода. Думаю, что он до сих пор не может этого пережить, – сказала Кристин Леви.

– Но мне же как-то придется объяснить новым родственникам отсутствие моего отца на торжестве! Мне бы не хотелось, чтобы они подумали, что ими пренебрегают.

– Я уверена, что ты с этим справишься, – спокойно ответила мать и перевела разговор на другую тему. – Ты уже шьешь платье для своей невесты? – спросила она.

– Нет, что ты! – захохотал Пьер. – Эта дурочка сказала, что видеть платье невесты до свадьбы – дурная примета. Так и не смог ее уломать!

– Так у кого же она его шьет?

– Вот это самое интересное. Она шьет его в нашем ателье, у Мари. Но я не знаю, представляешь, я совершенно не знаю, что это будет. Это просто какой-то заговор за моей спиной!

– Какая прелесть! Девочка, видимо, с характером, что хорошо.

– О, да! С ходу организовать заговор против меня в моем же собственном Доме моды, это надо уметь!

– Вы поедете после свадьбы в путешествие?

– Нет, некогда. Осенняя коллекция на подходе. На недельку съездим на море, вот и все. Лили это понимает.

– В Ниццу?

– Да, скорее всего.

– Там в это время будет хорошо.

– Там всегда хорошо! – мечтательно сказал Пьер.

– Заедете к Жано? Он обидится, если узнает, что ты был рядом и не зашел.

Жан Монти был родным братом его матери. Ветеран войны, пришедший с нее сильно покалеченным, он поражал Пьера своим жизнелюбием. Он жил неподалеку от Ниццы, руководил работой на семейных виноградниках, был гостеприимным и хлебосольным хозяином. Он

был старшим из этой ветви родственников, Пьер его очень любил, в детстве часто и подолгу у него гостил.

– Обязательно, но я надеюсь, что он приедет на свадьбу в Париж. Как думаешь?

– Я сомневаюсь. Он в последнее время много болеет, старые раны... Но ты обязательно пошли ему приглашение.

– Конечно, мама, я не забуду.

С будущим тестем Пьер поговорил совершенно открыто, объяснив, что отец его – страшный сноб, презирующий абсолютно всех, кого считает ниже себя в социальной иерархии, и попросил не обращать на это внимания.

– Знаешь, – сказал ему на это Лазар, – мне абсолютно безразлично отношение твоих родителей к нашей семье, пока ты стоишь между ними и Лили. Но учти, что я не позволю никому обижать мою девочку.

Он выразительно посмотрел на Пьера.

– Я тоже не позволю никому ее обижать, – сказал Пьер.

– Вот и прекрасно! – улыбнулся Лазар. – Тогда беспокоиться не о чем.

На свадьбу отец и вправду не приехал, мать сказала, что он – «подхватил простуду и лежит с температурой». Сама она была очень любезна с Лили и ее родителями, но на торжественный обед не осталась, сославшись на то, что должна ухаживать за больным. Все покивали головами, попросили передать господину де Леви пожелания скорейшего выздоровления, и вздохнули с облегчением, когда она села в машину и уехала. Провожавшему ее сыну она шепнула на прощание: «У тебя очень красивая жена», что в устах Кристин де Леви было серьезным комплиментом.

А Лили действительно была чудо, как хороша! Ее белое платье имело легкий оттенок чайной розы. Довольно строгое по покрою, оно было из шелка, прекрасно подчеркивало точечную фигуру Лили и немного расширялось к подолу, ниспадая от бедер мягкими складками. пышные рукава были из той же тончайшей кружевной ткани, что и фата. Они сужались к запястью и застегивались на пять небольших жемчужных пуговиц.

Лили шла по проходу церкви под руку с отцом и знала, что все взгляды сейчас прикованы к ней. Но ее волновал только один взгляд, только мнение Пьера было ей важно, поэтому, увидев, каким восхищением горят его глаза, она лукаво улыбнулась.

– Мы с Мари справились? – спросила она одними губами.

– Не то слово! Я могу уходить на покой, – так же шепотом ответил он.

Венчание для Пьера было важной, но формальностью. Он так давно чувствовал себя соединенным с Лили неразрывными нитями, что даже не пытался осознать, что именно говорил им священник.

Согласен ли ты, Пьер..., Согласна ли ты, Лили...

Да! Да! Да!

В Ниццу они уехали вечерним поездом в тот же день. Им так много нужно было успеть за ту неделю, которую Пьер смог выкроить в своем плотном графике подготовки зимней лекции. Все, что он наметил показать в октябре, было еще до конца не готово. К его приезду должны были пройти примерки, но там было еще много нерешенных проблем с отделкой, поэтому он должен был возвращаться в Париж.

Обычно подготовка коллекции к показу доставляла ему несказанное удовольствие. Приятно было видеть свои идеи воплощенными в ткани, видеть, как их надевают живые женщины. Он любил показывать свои детища и следить, как зал с нетерпением ждет выход каждой следующей модели. Но в этом году он предпочел бы остаться в Ницце надолго, бродить с Лили по улицам старого города, смотреть на проплывающие яхты, опершись на балюстраду набережной. Он хотел так много показать ей в этом городе, который хорошо знал и любил. Здесь жил его любимый дядя Жан, у которого он часто в детстве проводил лето. Это было такое удовольствие после их чопорного дома, где отец вечно был им недоволен, а мать вела себя сдержано, и мальчику порой казалось, что никто его здесь не любит.

С дядей все было по-другому. Дядя своей семьи не имел, но после смерти своего старшего брата жил вместе с его женой и детьми, руководил большим виноградником, следил за изготовлением вина, которое ценилось не только среди местных, но и поставлялось в другие города Франции. Двоюродные братья Пьера были много старше его, поэтому с мальчиком почти не общались, занятые своими делами. А с дядей было интересно и весело, с ним можно было пойти, посмотреть, как растет виноград, и выслушать целую лекцию о том, почему вино одного года отличается от вина другого года, и даже попробовать его. Когда Пьер подрос достаточно, чтобы ходить в одиночку, дядя отпускал его бродить по городу и даже выходить с рыбаками в море.

Словом, Жан Монти, высокий, худой, почти дочерна загорелый, всегда опирающийся на палку из-за тяжелого ранения в ногу на войне, был тем человеком, от которого, будь его воля, Пьер вообще бы не уезжал. Рядом с ним и мать становилась другой – чаще разговаривала с сыном, улыбалась. Она тоже летом приезжала погостить к брату и невестке. Ей иногда необходимо было отдохнуть от сварливого мужа, а поездка к родственникам была для этого отличным поводом.

Сейчас Пьеру предстояло познакомить Лили с дядей Жаном, которого в семье все называли просто Жано. Он не сомневался, что они друг другу понравятся.

И господа, как же прекрасно они провели эту неделю! Жано хотел, чтобы они жили в его доме, но Пьер предпочел остановиться в гостинице.

– Ладно, я понимаю, дело молодое, – сказал Жано, ухмыляясь в усы. – Спасибо, что хоть ненадолго заехали. С такой красоткой мог бы и забыть про старого дядю.

– Ты же знаешь, что не мог бы, – засмеялся Пьер. – Твои виноградники – главная достопримечательность здешних мест. Мы обязательно приедем к тебе еще раз перед отъездом.

– Буду рад. Может, еще приедете осенью? Угощу вас вином, домашним сыром.

– Не знаю, как получится, но звучит заманчиво.

– Вот и приезжайте!

Здесь, в Ницце, когда Лили была рядом, Пьеру впервые показалось, что море, солнце и эта женщина – все, что ему нужно в жизни. Отсюда Париж с его суетой, шумом и надоевшими светскими тусовками казался таким тяжелым, неласковым. Он любил свою работу и свой Дом моды, но сейчас не хотел даже думать о возвращении.

Погода была превосходная, они много времени проводили на пляже. Лили не очень хорошо плавала, поэтому плескалась ближе к берегу. Пьер, для которого море было его стихией, уплывал далеко, нырял, чем страшно пугал жену. Когда она переставала видеть его голову над поверхностью воды, ее охватывала паника. Его очень смешили ее упреки, ведь он был прекрасным пловцом и считал, что ничем не рискует. А она злилась, расстраивалась и говорила, что не переживет, если с ним что-то случится.

– Ты не имеешь права так рисковать, ведь теперь есть я, – сказала она.

Пьер попытался было объяснить ей, что не рискует, но потом понял, что теперь действительно каждый свой шаг должен будет взвешивать с учетом этой простой мысли. Он больше не один, у него есть жена, за которую он отвечает. Ощущение было непривычное, но приятное.

Их дни были полны развлечений, а ночи посвящены любви. Когда Лили засыпала в его объятиях, он еще долго лежал, пытаясь осознать размер свалившегося на него счастья.

На третий день счастья, когда они ужинали в ресторане, официант подошел к их столу и подал Пьеру телеграмму. Она была короткой.

«В Германии запретили смешанные браки.¹ Лазар».

Видимо он изменился в лице, потому что Лили подняла глаза от тарелки и с беспокойством на него посмотрела.

– Не волнуйся, это всего лишь небольшие проблемы по работе, – поспешил соврать он. Он не хотел обсуждать с ней эту тему и портить такой прекрасный вечер.

В ту ночь ему впервые приснился сон, который с разными вариациями снился ему потом много раз. Это был сон о страхе. И он всегда был об одном и том же: о том, что он потерял Лили и не может ее найти. В этот – первый раз – из-за страшного тумана. Они шли, держась за руки, но потом он на мгновение выпустил ее руку из своей, а, когда опять хотел дотронуться до нее, то ее рядом не было! Остались только клочья тумана, через которые иногда просвечивали черные голые деревья...

Пьер проснулся с безумно колотящимся сердцем, весь в холодном поту. Лили спокойно спала рядом, ее волосы разметались по подушке. Он тихо, чтобы не разбудить ее, взял один завиток и намотал его на палец. Заснуть он больше не смог, просто лежал и смотрел на спящую жену. Теперь он знал, что его любовь к Лили всегда будет иметь горчащий привкус – привкус страха потерять ее.

¹ Нюрнбергские расовые законы – два расистских (в первую очередь антиеврейских) законодательных акта – «Закон о гражданстве Рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести», провозглашенные по инициативе Адольфа Гитлера 15 сентября 1935 года на съезде Национал-социалистической партии в Нюрнберге и единогласно принятые сессией, специально созванной в Нюрнберге по случаю съезда партии. https://ru.wikipedia.org/wiki/Нюрнбергские_расовые_законы.

Париж. Конец 1935—1936 годы

Через пару недель после приезда Пьер и Лили сидели за столом в гостеприимном доме Боне. Погода была еще теплой, окна столовой были открыты, кусты сирени, росшие около дома, заглядывали в комнату, соперничая с домашними растениями в горшках. Солнечные блики оставляли на полированной поверхности мебели желтые пятна, отражались от застекленных дверок буфета, и Пьеру казалось, что он находится внутри какой-нибудь картины Ренуара. Однако, разговор за столом грустно контрастировал с визуальной картинкой. Во время обеда Лазар объявил зятю и дочери, что он выходит из своего бизнеса во Франции и уже нашел на него покупателя. Более того, он подал документы в американское посольство и надеется в следующем году получить въездную визу на всю семью.

– Папа, но почему именно сейчас? – спросила Лили.

– Потому что я внимательно слежу за ситуацией, а она развивается, моя дорогая, причем не в лучшую сторону.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, например, то, что Муссолини напал на Эфиопию.

– Господи, где Эфиопия, а где мы! – возразила дочь, – Какое это имеет отношение к Франции?

– Самое прямое. Во-первых, это прецедент. Муссолини напал – хоть он и утверждает, что это на него напали, но кто ж ему верит – на независимую страну, члена Лиги наций, и никто, повторяю, никто не выразил возмущение, не потребовал вывода войск и тому подобное. А это значит, что теперь это может повториться повсюду.

– Но почему они так поступили? Они что, не понимают? – не унималась Лили.

Лазар поднес тонкую фарфоровую чашечку к губам. Он долго молча пил кофе маленькими глотками. Никто не прерывал его мыслей. В этой семье именно он был признанным экспертом в очень многих вопросах. Он выписывал иностранные газеты на четырех языках – английском, немецком, итальянском и испанском, по вечерам постоянно слушал радио, закрывшись в своем кабинете. Поэтому, если и были ответы на заданные Лили вопросы, то ответить мог только он.

– Думаю, что никто пока не готов к войне, – наконец сказал он. – Страны могут сказать все правильные слова о недопустимости агрессии, но реально никто не готов воевать. Все боятся – кроме Германии и Италии. Еще слишком мало времени прошло с прошлой войны, экономики ослаблены, вооруженные силы не готовы, люди простят политикам все, что те ни сделают под предлогом защиты мира для своих избирателей.

– А избиратели в Италии мира, что, не хотят мира? Почему Муссолини не боится ввязываться в войну?

– Люди – странные существа, – грустно вздохнул Лазар. – К большой войне итальянцы тоже, я думаю, не готовы, а вот захватить Эфиопию, да малой кровью, да ощутить себя снова сильной державой – это многим в Италии понравится. И Муссолини это отлично понимает. Он хочет стать победителем, присоединителем территорий. Без этого, такие диктаторы как Гитлер и Муссолини, себя счастливыми не чувствуют. Может быть, это для них вообще самое главное, а вовсе не мир...

Все некоторое время молчали.

– Папа, ты сказал, что это «во-первых». А что «во-вторых»?

– Во-вторых, Франции придется теперь держать на границе с Эфиопией довольно серьезный военный контингент. Иначе Муссолини не остановится перед тем, чтобы и наши колонии в Африке захватить. Опять, ведь, скажет, что его атаквали, а он защищался! И все опять промолчат. Так что он играет на руку Гитлеру, ослабляя позиции Франции на континенте.

– То есть, вы по-прежнему думаете, что война с Германией неизбежна? – вступил в разговор Пьер.

– Да, неизбежна. Я не могу сказать, что это случится в ближайшие месяцы, но думаю, что довольно скоро. Я не хочу вас пугать, но, думаю, что Франции не удастся устоять, если с востока будут наступать немцы, а с юга – итальянцы. Я даже не говорю, что есть еще и Испания, где фашистские партии тоже набирают силу. Хватит и первых двух. И никакая линия Мажино нам не поможет.

– Папа, ты говоришь просто ужасные вещи! Что же нам делать? – грустно спросила Лили.

– Вы уже взрослые, решайте сами. Я для себя решил, поэтому, пока еще есть время, пока Муссолини разбирается с Эфиопией и не смотрит в нашу сторону, я хочу здесь все завершить, превратить в живые деньги и уехать. Можете считать меня трусом.

– Никем мы вас не считаем, – сказал Пьер. – Все, что вы говорите, очень резонно, но, возможно, что ситуация все-таки изменится к лучшему. Не может ведь быть, чтобы два сумасшедших, два маньяка поставили всю Европу на колени!

Лазар только плечами пожал. Он не собирался доказывать Пьеру свою правоту, не хотел давить на него, заставлять принимать такие серьезные жизненные решения по принуждению, понимая, что риск – и не малый – есть в обоих вариантах будущего: и оставаться было страшно, и при отъезде ждала полная неопределенность. Кофе они допивали молча.

– Ты хотела бы, чтобы мы тоже уехали из страны? – спросил Пьер у Лили, когда они пешком возвращались домой.

Она ответила не сразу. И даже не повернула голову в его сторону, как будто не могла оторвать взора от Сены и острова Ситэ. Вечер был ясный и очертания собора смотрелись очень красиво – черной графикой на светлом холсте неба.

– Нет, – наконец сказала она.

– Почему? Из-за меня?

– Не только. Я просто чувствую, что принадлежу этому городу так же, как он принадлежит мне. Я не понимаю, почему я должна уезжать из города, в котором родилась, который люблю.

– Потому что тут будет небезопасно.

– Когда?

– Когда придут немцы.

– Но когда это будет? Через год, через два?

– Никто этого не знает. Может даже позже.

– А что пока? Сидеть где-то в Америке и ждать, когда немцы возьмут Париж?

– Ну, зачем «сидеть и ждать»? Работать, жить...

– Я не представляю, как я живу не в Париже, как я дышу иным воздухом... Я ведь много, где бывала с родителями. И я легко могу представить себя посещающей Лондон, Лиссабон, Мадрид, но совсем не могу представить, что я там живу навсегда. Если бы ты мне сейчас сказал: «Завтра в Париже будут немцы, надо уехать», то я бы поняла, что да – нужно. Мы бы собрали вещи и уехали бы туда, где мы могли бы переждать этот кошмар, как люди переживают дождь под навесом. Но уехать сейчас, в мирное время, начать другую жизнь где-то не здесь...

– Дорогая, я понимаю, о чем ты говоришь. Я тоже люблю Париж, я тоже не хотел бы жить нигде в другом месте, но ты ведь понимаешь, что есть вещи, которые не зависят от нас.

– Нет, я этого не понимаю. Я живу в своем городе и не собираюсь прятаться.

– Это несерьезно.

– Вполне серьезно! Вот если они придут, тогда и будем думать, что делать.

- Тогда может быть поздно думать. Твой папа прав, что начинает думать заранее.
 - Папа – самый умный из всех, кого я знаю. Но иногда он бывает слишком осторожен.
 - Мы никогда не знаем заранее меру этого слова «слишком», вернее узнаем только потом, когда это уже случается, – сказал Пьер.
 - Я не папа, я не могу отказаться от жизни только потому, что она слишком опасна. А ты можешь?
 - Речь сейчас не о моей безопасности, а о твоей. Если бы не было тебя, то я бы, конечно, никуда не уезжал. Здесь все, что мне нужно: мое ателье, мои клиенты. Но ты ведь понимаешь, что я могу работать везде. Да, мне придется все начинать с нуля, но я это переживу, мы справимся с этим. Я боюсь за тебя, дорогая, – сказал он, взяв жену за руку. – Прошу тебя, подумай еще.
 - Я уже подумала. Мы остаемся.
 - Нет, это неправильный ответ.
 - Ну, хорошо, а какой правильный? – она остановилась и сердито на него посмотрела. – Ты знаешь правильный?
 - Я думаю, что правильнее будет следить за развитием ситуации и принять решение об отъезде, когда она обострится. Может быть сейчас еще рано, но я бы не закрывал этот вопрос навсегда. Ты согласна?
 - То есть ты предлагаешь ждать?
 - Да, что-то вроде этого.
 - Не в смысле «сидеть и ждать», а в смысле «жить и ждать»? – уточнила Лили.
 - Да, жить, но, фигурально выражаясь, держать чемодан собранным.
 - Не очень представляю, как это будет, но давай попробуем, – согласилась она.
- Город уже светился огнями окон. Они шли молча, и в свете уличного фонаря он увидел слезы на ее щеках.

- Папа, но ведь я же остаюсь! Может быть, тебе и не надо продавать магазин в Париже. Я за ним присмотрю, пока тебя не будет.
- Лили сидела в глубоком кресле в кабинете отца. Это было ее любимое место в доме. В этой комнате было все, что ей нужно: книги на полках, хорошие картины на стенах, удобная мягкая мебель, хорошее освещение от двух ламп, стоящих по бокам дивана. Здесь так чудесно пахло дорогим табаком и хорошим мужским одеколоном! Она была влюблена в мужчину, который не курил и пользовался совсем другим парфюмом, но, если бы ее спросили, с чем ассоциируется у нее понятие мужчины, то первое, что пришло бы ей на ум, был бы этот запах отцовского кабинета.
- Прежде, чем ответить, отец потянулся за портсигаром, вынул оттуда сигарету, затянулся и откинулся на спинку рабочего кресла.
- «Присмотрю» – это как раз то, слово, которое не применимо к бизнесу. Бизнесом надо серьезно заниматься. Или не заниматься вовсе. Пойми, Лили, я очень тебя люблю и уважаю, ты умная женщина, но тебе не потянуть это дело, особенно в нынешних условиях, когда трансграничные перевозки становятся огромной проблемой. Не сердись, но ты не справишься с этим, даже если у тебя останется весь обученный персонал. Мы потеряем и магазин, и деньги, которые за него можно сейчас получить.
 - Я понимаю, но что я буду делать? Я же привыкла тебе помогать, а теперь как?
 - Что-нибудь придумаешь. Магазин – не игрушка, не средство от скуки. В условиях, когда страны воюют друг с другом и проливы сегодня пропускают суда, а завтра – нет, доставлять

колониальные товары из Индии и Африки станет не просто трудно, но почти невозможно! Я не хочу, чтобы это были твои проблемы. У тебя их и так будет немало.

– Что ты имеешь в виду?

Отец не ответил, только грустно на нее посмотрел.

– Твоя мать умоляет меня не продавать эту квартиру, день и ночь слезы льет! Я хочу оставить ее тебе и Пьеру, у вас ведь нет своего жилья, – сменил он тему. – Здесь вам будет удобно, а, если тебе понадобятся деньги, то можешь продать ее или все, что в ней есть, я тебе разрешаю. Документы я уже оформил. Это будет твой резервный капитал. Не надо меня благодарить, это меньшее, что я могу сделать для тебя. Ну и, конечно, кое-какие деньги я тебе тоже оставляю – и здесь, и в Швейцарии в банке. Я знаю, что Пьер неплохо зарабатывает, но мне будет спокойнее, если у тебя будут свои средства.

Лили понимала, как переживает отец, что не сможет ее и дальше лично оберегать от всех сложностей реальной жизни, как он это делал всегда. Сколько она себя помнила, папа был тем, кто решал ее проблемы, какими бы несущественными они ни казались. Мама всегда говорила: «Пойдем, спросим папу», и Лазар, как бы ни был занят, отвлекался от своих дел, потому что никаких дел, важнее жены и детей, для него не было. Это было его кредо, и все вокруг знали, что весь его бизнес работает только для того, чтобы он мог обеспечивать своей семье достойное существование. Он был умелым и жестким торговцем, но никогда не рисковал сверх меры, никогда не ставил на кон благосостояние семьи.

Сейчас, когда его дочь наотрез отказалась уезжать, причем Лазар знал, что это именно ее решение, а не Пьера, ему было очень страшно. Однако он не считал возможным давить на нее – девочка выросла, имеет право на собственное, пусть даже неправильное мнение. И Лили была ему за это благодарна. У нее не было сил доказывать ему свою правоту, но и эмигрировать из Франции она не хотела. Она знала, что папа не поймет ее аргументов, скажет, что это детские рассуждения в условиях, когда речь идет о жизни и смерти. Но ведь это была ее жизнь и ее смерть! Ее жизнь – это Париж, а смерть... Лили не могла, да и не хотела представлять себе это.

– Хорошо, папа, спасибо тебе за все. Когда вы вернетесь, эта квартира будет ждать вас в целости и сохранности, я тебе обещаю.

Лазар ничего ей не ответил, только головой покачал.

– Но вы ведь вернетесь? – не унималась Лили, – Вернетесь?

– Моя дорогая девочка! Ты же знаешь, что я никогда не даю обещаний, если не уверен, что смогу их выполнить.

Лили шла домой и повторяла про себя «они вернутся, вернутся, вернутся».

Визы в США были получены, багаж заблаговременно отправлен в Гавр. На вокзал Сен-Лазар, чтобы проводить семью, Лили с Пьером приехали заблаговременно. Она просто больше не могла сидеть дома. Металась, как тигрица в клетке с самого утра, а ночью Пьер слышал, как она плакала, но претворился, что спит. Он ничем сейчас не мог ей помочь, понимая, что ее мир рушится, а ему некуда вытащить ее из-под обломков. Он лежал и с грустью думал, что отъезд семьи может больно ударить и по их с женой отношениям. Конечно, он не боялся разлюбить ее, это было невозможно. Он надеялся, что и она все-таки будет с ним счастлива, хотя той беззаботной девушки, которая вся светилась радостью, больше уже не будет. Он это точно знал, потому что понимал, как важна для Лили ее семья, и совсем не был уверен, что одного его чувства будет достаточно, чтобы поддерживать в ней этот радостный свет.

Родители приехали примерно за полчаса до отбытия поезда. Лили бросилась в объятия матери, и они обе заплакали.

– Надо было приехать сюда еще позже, – проворчал Лазар, но видно было, что ему тоже тяжело прощаться с любимой дочерью.

Когда прозвенел звонок, все засуетились, начали обниматься, говорить друг другу какие-то последние слова, как будто не хватило лишь чуть-чуть времени, чтобы сказать что-то важное и надо успеть это сделать, пока поезд не тронулся.

– Прошу тебя, следи, чтобы она не делала никаких глупостей, – сказал Лазар, обнимая зятя.

Пьер молча кивнул. Ему казалось, что все они являются персонажами картины Клода Моне: вокзал Сен-Лазар, клубы пара уходящего поезда и люди, сиротливо стоящие на перроне, у которых этот поезд увез что-то очень ценное, жизненно важное. Лили рыдала у него на груди, а он, только гладил ее по волосам, потому что не мог даже сказать «Не плачь, все будет хорошо». Ее семья уезжала в новую, никому не ведомую жизнь, а они оставались там, где все, казалось бы, было привычно, но, на самом деле, было совсем не так, как раньше.

Несколько недель Лили была сама не своя. Сначала она без цели бродила по квартире родителей, куда они с Пьером переехали, и которая была слишком большой для них двоих. Пьер обосновался в бывшей детской, где был хороший письменный стол, необходимый ему для работы. Туда перенесли диван вместо кроватей, принадлежавших сестрам Лили. Она была рада, что муж не претендует на кабинет отца, потому что не могла представить, что там появится кто-то, будет сдвигать мебель или трогать папины книги. Пусть даже этим «кем-то» будет ее любимый Пьер. Две гостевые комнаты были закрыты – они не предполагали принимать здесь гостей, но и без этих комнат квартира казалась теперь огромной и странно тихой, особенно теперь – после того, как из нее ушли звуки прежних обитателей – смех и беготня сестер, шорох маминых платьев, папины разговоры по телефону, звон посуды в столовой. Когда Лили оставалась в этом доме одна, она ложилась на диван, закрывалась с головой пледом и лежала так часами, не имея ни сил, ни желания встать. Часто в таком положении ее заставлял Пьер, приходящий вечером после работы. Ее глаза были красными от слез, кожа бледной. Казалось, она постарела сразу на несколько лет. Пьер не успокаивал жену, понимая бессмысленность слов, но просто обычно велел ей одеваться и выводил на улицу – вел в какой-нибудь ресторан, кормил вкусной едой и с удовлетворением отмечал, что после бокала вина румянец постепенно возвращался, она начинала разговаривать с ним. И даже иногда улыбаться в ответ на его шутки.

Через пару недель Лили перестала проводить время под пледом. Теперь она сидела целый день в папином кабинете и читала, причем, многие книги уже не по первому разу. Она по-прежнему не выходила одна на улицу и практически не разговаривала с мужем. Пьер, тайком от нее заглянул к знакомому психиатру, и тот уверил, что это уже прогресс и не о чем серьезно беспокоиться.

– Время лечит, дорогой Пьер, – сказал он, – но мы точно не знаем, как оно это делает. Кому-то нужна компания, а кого-то надо просто оставить в покое.

– Но мне-то что делать?

– Кормить, поить, любить и ждать. Думаю, что все будет с твоей женой нормально. Она должна сама с этим справиться, а, если не сможет, то приводи ко мне. Но, надеюсь, что этого не потребуется, – поспешил он успокоить Пьера, увидев, как помрачнело его лицо при этих словах.

Ах, если бы можно было найти ей какую-нибудь работу в его ателье! Но там всем заправлял Эжен Пуатье, финансовый директор, которого в момент создания Дома моды поставила на эту должность его мать, и который за эти годы ни разу Пьера не подвел. Они не были друзьями, но питали друг к другу симпатию и уважение. Эжен делал то, чем не хотел, да и не умел

заниматься сам Пьер, то есть коммерцией и деньгами, и никогда не лез в сферы компетенции художественного директора. Такое разделение функций всех устраивало, и Пьер понимал, что появление Лили даже в качестве помощника, будет Эженом воспринято плохо. Эта информация обязательно дойдет до его матери, а вот этого ему совсем было не нужно.

И, по счастью, врач оказался прав – Лили справилась. Она стала постепенно возвращаться к нормальной жизни. То ли перечитала уже все книги в отцовской библиотеке, то ли ей больше не нужно было прятаться в чужую жизнь от своей собственной. Просто в какой-то момент она перестала ходить по дому в халате, вновь надела красивые платья и туфли на каблуках и даже стала готовить мужу завтрак по утрам. Они пили кофе и разговаривали как прежде, и, хотя этот месяц изменил ее внешне – она похудела, как после болезни, и в углах рта наметилась скорбная складка, которой раньше не было, но это была уже опять его Лили, самая прекрасная и желанная женщина на земле. Они обычно договаривались, во сколько она зайдет за Пьером в ателье, он уходил работать, а она шла по магазинам или начинала заниматься домашними делами. Лили умела и убирать, и готовить и, если раньше Пьер предложил бы ей нанять постоянную прислугу, то сейчас он понимал, что она отчаянно ищет, чем бы себя занять, и не препятствовал ее желанию вести дом самостоятельно.

Лили сидела в кафе пила кофе и читала газету. В Испании – военный мятеж². Какой-то генерал Франко возглавил военные силы в Африке и на его сторону в самой Испании уже перешли Севилья, Кордова и Гранада. Ах, как ей не хватает отца, который бы сейчас все объяснил – кто хороший, а кто плохой! Разве то, что они декларируют – свобода, братство и равенство – не главные принципы Французской республики? Тогда почему Лили так не нравится слово «путч», которое применяют в газете по отношению к этому мятежу?

– Мадам не против, если я посажу девушку за ее столик? – услышала она и опустила газету.

Рядом с официантом стояла девушка примерно ее лет, в светлой юбке и коротком темно-синем жакете из хлопка. Рукава жакета были небрежно подвернуты до локтя. Девушка улыбалась, глядя на нее, и Лили улыбнулась в ответ.

– Да, конечно, – она убрала газету и подвинула к себе чашечку с кофе, – садитесь, пожалуйста.

Девушка села и стала довольно бесцеремонно рассматривать Лили.

– У тебя очень красивая блузка, – сказала она, принимаясь за бутерброд, который принес ей официант, – наверно жутко дорогая.

– Спасибо, – сказала Лили, – у вас тоже очень милый жакет.

– Этот? Это так, ерунда. Вышла утром, было прохладно, а сейчас разогрелось, вот теперь и парюсь в нем. Надо было что-нибудь полегче надеть.

– Вы работаете? – спросила Лили.

Ей, почему-то, была симпатична эта немного невоспитанная ровесница.

– Конечно, а ты что, нет?

Лили покачала головой.

² Мятеж против республиканского правительства начался 16 июля 1936 года в Испанском Марокко. Достаточно быстро под контроль мятежников перешли и другие испанские колонии: Канарские острова, Испанская Сахара, Испанская Гвинея. Несмотря на то, что на большей части территории Испании мятеж первоначально потерпел неудачу, и республиканские власти удержали её наиболее населённые и развитые регионы, в конце июля лидеры националистов генералы Франсиско Франко и Эмилио Мола смогли договориться о помощи со стороны нацистской Германии и фашистской Италии. Мятеж перерос в гражданскую войну, продолжавшуюся до апреля 1939 г., в результате которой была ликвидирована Испанская республика и свергнуто республиканское правительство. https://ru.wikipedia.org/wiki/Гражданская_война_в_Испании.

– Замужем? Это хорошо, когда муж много зарабатывает. Детей воспитываешь?

– Нет, у меня нет детей.

– Ой, а чем же ты занимаешься целый день?

Хороший вопрос! А, действительно, чем ты занимаешься целый день, Лили? – подумала она.

– А где вы работаете? Да, кстати, меня зовут Лили, – она протянула девушке руку для знакомства.

– Николь, – девушка пожала руку, предварительно вытерев ее о салфетку. Да здесь, недалеко. В Бюро переводов, секретарем.

– В Бюро переводов? Это, наверное, интересно?

– Да что тут интересного? Печатаешь целый день, как заведенная, пообедаешь некогда. В основном готовим информацию из разных иностранных газет, а ею потом пользуются журналисты, на радио, политики. Иногда так много работы – не продохнуть.

– То есть вы переводите западные публикации?

– Ну, я так и сказала, а потом их печатают разные газеты и комментируют. Одни пишут: «какой кошмар!», а другие «вот, как здорово!» и все это на один и тот же текст! – засмеялась она.

– А вам там не нужны переводчики? – неожиданно для себя спросила Лили.

– А ты языки знаешь?

– Да, кое-какие знаю.

– Так что мы тут сидим? – Николь взяла сумочку и посмотрела на Лили, – Пойдем и спросим. Может и нужны.

Они вышли на улицу, повернули налево, потом вошли в переулок. Лили шла за Николь, но не очень понимала, зачем. Она чувствовала, что устраиваться на работу, не только не спросив, но, даже не поставив Пьера в известность, неправильно, он обидится и будет прав. Но, с другой стороны, она ведь еще ни на что не согласилась. Ей просто хочется посмотреть, как это – работать так, как это делает Николь. Они зашли во двор, в котором курили двое мужчин. Оба без пиджаков, без галстуков, вороты расстегнуты, рукава рубашек закатаны до локтя, как и у Николь. Видимо в офисе было жарко.

– Ну, наконец! – увидев Николь, сказал один из них, – шеф уже трижды о тебе спрашивал. Бушует.

– Да наплевать, – спокойно огрызнулась Николь, – я что, теперь и пообедаешь не имею права? Я не нанималась тут с голоду помирать.

– Это ты ему сейчас объяснять будешь, – сказал другой мужчина, – но если ты вперед выдвинешь свою подружку-красотку, может быть он и подберет.

Они засмеяли, а Лили покраснела, она не привыкла к таким фривольным шуточкам.

– Пойдем, что ты на этих дураков внимание обращаешь, – сказала Николь. – Они, вообще-то нормальные ребята, не бойся. А ты действительно красотка, здесь таких нет, вот они и возбуждились.

В большом помещении стояло штук восемь столов, и почти за каждым кто-то сидел и стучал на пишущей машинке. Шум стоял невероятный. Кроме того многие мужчины и даже некоторые женщины курили здесь же, не отходя от рабочего места, поэтому, несмотря на то, что окна были раскрыты, дышать было трудно.

– Подожди меня здесь, я сейчас вернусь, – сказала Николь.

Лили встала около стенки и стала наблюдать за окружающими. Три женщины и двое мужчин печатали, не отрывая глаз от текста в газете. Лили поняла, что совершенно не сможет здесь работать – она так печатать не умеет. Она, конечно, помогала отцу с перепиской, печатала его письма, но так, вслепую, да еще с такой скоростью – нет, это было нереально для нее. Надо

было не позориться и уходить, но было неудобно перед Николь, которая может подумать, что она совершенно не воспитанная. Нужно ее дождаться, попрощаться и уходить.

Николь появилась откуда-то из-за поворота стены и издали махнула Лили рукой, мол, иди сюда, и опять пропала. Когда Лили повернула за угол, то оказалось, что там коридор со множеством закрытых дверей. За какую из них ушла Николь, Лили не поняла и остановилась.

– Иди сюда, – голова Николь появилась во второй двери слева.

Лили переступила порог кабинета. Мужчине, который сидел за столом, было лет сорок пять: седеющие виски и усы, пристальный взгляд из-под бровей.

– Это вы, значит, хотите работать у нас переводчиком. А какие языки знаете?

Лили назвала языки, но сказала, что печатает медленно, двумя пальцами, поэтому, наверное, им не подойдет.

– Ну, этот навык приходит с практикой. А машинка у тебя есть? – перешел он на ты.

Лили подтвердила, что машинка есть.

– Хорошо, значит, можешь работать дома. А живешь далеко?

– Нет, не очень, примерно в четырех кварталах, – ответила Лили, не особо понимая, причем тут, где она живет.

– Тогда решим так: будешь утром приходить, забирать тексты, переводить, вечером приносить. Если будет что-то срочное, то я пришлю к тебе курьера. Мне сейчас важен твой испанский. Сама понимаешь, какие там дела творятся. Надо получать информацию из самой страны, а не от правительственных чиновников.

Лили не очень понимала, но кивнула.

– Вот, держи газету. Сядь на тот стул в уголке, просмотри ее и выпиши основные заголовки. Я приду минут через десять, и решу, что надо переводить. Меня интересует военный переворот и что они пишут по этому поводу.

Он поднялся и вышел из комнаты. Когда вернулся, то Лили уже выписала основные заголовки.

– Ладно, давай до завтра мне вот этот, этот и этот. Только завтра прямо рано утром, к восьми часам. Успеешь?

– Перевести успею, только...

– Что, вставать слишком рано? Дорога ложка к обеду! А завтра посмотрим, что нового будет у них в утренних газетах. Договорились?

Лили шла с пачкой испанских газет домой и чувствовала себя, как уже давно не чувствовала. Ей было хорошо! Нет, ей было просто прекрасно!

Пьеру пришлось привыкнуть к тому, что теперь, когда он просыпается, Лили, как правило, уже нет рядом. Но к завтраку она, обычно, возвращалась. Иногда даже ему удавалось затащить ее обратно в постель! Но теперь она ему больше не принадлежала безраздельно, у нее была своя работа, поэтому они вместе пили кофе, разговаривали, смеялись, но, когда Пьер уходил, то из-за закрытой двери бывшего отцовского, а теперь ее кабинета уже слышал стук ее пишущей машинки. Она перестала готовить домашнюю еду, ограничилась только завтраком, но он был рад, что она нашла себе дело по душе: это опять была веселая и жизнерадостная Лили, хотя было очевидно, что интересы ее изменились. Образно говоря, это был тот же прекрасный сосуд, который наполнили новым содержанием. Ее больше не интересовали чисто женские радости – новые наряды, походы по магазинам. Он с удивлением стал замечать, что теперь они довольно часто разговаривают о политике, о том, что происходит внутри страны и, конечно же, о войне в Испании. В своих оценках событий Лили склонялась, скорее, к левым взглядам, иногда спорила с Пьером, если он придерживался другого мнения.

Не то, чтобы он имел какие-то ярко выраженные правые убеждения, просто хотел, чтобы у него была работа, приходили клиентки, способные заплатить за его платья немалые деньги, чтобы жизнь текла по привычному руслу, продолжали устраиваться праздники и приемы, иначе кому будет нужна красивая одежда, которую негде показать?

Лили иногда подшучивала над его консервативными взглядами, называла ретроградом. На работе ее окружали люди совсем другого уровня достатка, для которых понятие «красивая одежда» имело смысл разве что по праздникам, поэтому Лили тоже стала одеваться проще, чем раньше. Однажды он застал ее задумчиво стоящей перед открытым гардеробом. Он знал этот женский взгляд, который всегда означал одно: «Совершенно нечего надеть!». При этом шкаф был полон прекрасных платьев и костюмов, многие из которых шились по его рисункам.

– Проблема, дорогая? – насмешливо спросил он.

– Да, проблема. Я не могу в этом появляться на работе.

– Хотелось бы знать, почему?

– Там так никто не ходит, – она повернула к нему совершенно серьезное лицо. – Надо купить себе что-нибудь попроще.

– Хочешь теперь одеваться, как пролетариат?

Он говорил шутливо, но внутри у него засело какое-то чувство досады, что она отвергает его попытки сделать ее самой восхитительной женщиной Парижа.

– Ну зачем же, как пролетариат. Хочу одеваться нормально, но без излишеств. Я чувствую себя неуместно, когда прихожу на работу в своей одежде. Эти складки, рюши, все это роскошно, но в каком-то другом мире, которого теперь нет.

– Он, вообще-то никуда не делся. Люди по-прежнему ходят в театры, на выставки, на приемы.

– Да, прости, я понимаю. Но я теперь к этому миру не принадлежу.

– Лили, дорогая, ты ошибаешься. Ты, по-прежнему, состоятельная женщина, которая может позволить себе красивое изысканное платье. Разве нет?

– Не знаю, – было видно, что она расстроилась из-за этого разговора, – не совсем так. Утром, когда я иду на работу, я не принадлежу к тому миру, о котором ты говоришь. Вечером, когда мы вместе куда-то идем, – да, я могу все это надеть. Твои платья прекрасны! Но мне нужна и другая одежда.

– Хочешь, чтобы я придумал тебе одежду под твой новый образ? – спросил Пьер.

Лили пожала плечами.

– Я не уверена, что тебе надо отвлекаться на такую ерунду. Я могу что-нибудь купить себе в универмаге.

– Это не ерунда, это даже интересно, можно ли одеть женщину, как пролетария, и чтобы она все равно выглядела красиво. Такого я еще не делал.

– Хочешь сказать, что готов подумать над коллекцией повседневной одежды для работающей женщины? – развеселилась Лили.

– А почему нет? Ведь работающие женщины тоже хотят красиво одеваться. Я не прав?

– Еще как прав, конечно, вот только у них для этого маловато денег.

– Это я тоже понимаю. Пойдем обедать, и ты мне расскажешь, что носят работающие женщины. Давай-давай, Лили, просвети меня! Может из этого выйдет что-то толковое.

После кафе Пьер повел Лили в универмаг. Он не собирался покупать ей там одежду, во всяком случае, не сейчас. Он хотел посмотреть, что там продается для не очень богатых женщин, и чем это отличается от того, что делает он. Не то, чтобы он не видел, во что одеты женщины на улице, но его мозг фиксировал только те наряды, которые соответствовали его

представлениям о хорошем стиле. Сейчас он хотел понять, как хочет одеваться Лили, чтобы на работе на нее не смотрели косо. Он скептически осматривал вешалки: юбки, блузки, платья, жакеты. Очень простые и скучные материалы: никакого шелка или шифона, никаких кружев, воланов, оборок. Блузки скучные, только вытачки, усаживающие вещь на женскую фигуру и отличают их от мужских рубашек. Летняя мода получше, цвета более яркие, но все очень примитивно. Скучно, тускло, безлико! Не одежда – голая функция! Неужели его Лили будет такое носить!

– Тебе это все не нравится – констатировала жена, увидев выражение его лица.

– А тебе?

– Мне тоже не очень, хотя вот эту блузку я надеть могла бы. Особенно, если убрать манжеты.

– Убрать манжеты? Хорошая мысль! Мне воротник этот тоже не нравится, можно только стойку оставить. Послушай, а ведь это идея! Возьми вот эту блузку, то платье, и вот еще юбка неплохого качества. Я попробую над ними поколдовать немного.

– Пьер, я не понимаю. Если ты все это будешь переделывать, то чем это все будет отличаться от того, что у меня уже висит в шкафу? Только тканью?

– Нет, не только. Все будет очень лаконично, никто не скажет про тебя, что ты богачка, не волнуйся. Ты ведь этого боишься?

– Не боюсь, но мне неприятно, что они так думают.

– Поэтому ты готова нацепить на себя вот это? Нет, уж, любимая, я не могу такого допустить. Мне надо, чтобы все видели, что ты элегантная женщина. Ты красива и все должны это видеть. В красоте нет ничего постыдного, и глупо ее скрывать под этой страшной оболочкой. В конце концов, я же все-таки модельер, я могу даже из этого барахла сделать то, в чем не стыдно будет выйти на улицу.

– Ты чудо! А еще ты страшный хвостун, но я тебя все равно люблю, – засмеялась Лили и поцеловала мужа.

– Я тоже тебя люблю, причем не важно, что на тебе надето, а, кстати, – он наклонился к ней и прошептал на ухо, – я даже предпочитаю, чтобы на тебе вообще ничего не было.

Пьеру потребовалась всего неделя, чтобы переделать купленные в универмаге вещи. Сейчас они выглядели вполне достойно: никаких лишних украшений, кружевных вставок, шнуров и прочих изысков, которыми славился его Дом моды. Тот же не очень дорогой материал, но хороший крой – и вещь перестает быть убогой. От платья он велел отпороть рукава, сделать более глубокую пройму, и получился сарафан, который можно будет надеть с любой блузкой, даже с той белой, которую они купили. Теперь она была с укороченными рукавами, более глубоким и изящным вырезом, и прекрасно смотрелась на его красавице жене. Так почему же фабрики шьют такое убожество? Потому что никто не делает для них правильные выкройки и красивые модели – ответил он себе.

Утром он пришел в кабинет к Эжену Пуатье и поделился с ним своей новой идеей.

– Я знаю кое-кого в швейной промышленности, – сказал ему его партнер, – может быть, их заинтересует идея делать «улучшенные модели» недорогой одежды под маркой де Леви. Они, конечно, накрутят свою прибыль, но эти товары все равно будут существенно дешевле, чем то, что делаем мы. Вот только не обидятся ли на тебя твои старые богатые клиентки, что ты «изменяешь» им с девушками попроще? Может, не ставить твое имя на этих моделях?

– Работать инкогнито? Я так не работаю.

– Тогда, может, на тех моделях поставить имя Монти?

– Думаю, что мать предпочла бы наоборот: свое имя оставить на платьях класса люкс. Прямо слышу, как она говорит «Со своим именем можешь делать, что хочешь, а мое – не позорь!».

– Но, с другой стороны, твоя мама – очень деловая женщина, а мне кажется, что здесь может быть немалая прибыль, если составить грамотный контракт. Если подумать, то идея совсем не плоха, потому что не слишком богатые девушки тоже хотят нормально одеваться, поэтому, кто первый им в этом поможет, тот снимет сливки. Ты любишь сливки, Пьер?

– Нет, терпеть не могу, но готов потрудиться, чтобы их снять, – засмеялся он.

Теперь у них обоих было полно работы. Хотя Лили и не была официально в штате бюро, а потому получала не регулярную зарплату, а только гонорары по объему сделанной работы, но трудилась она много. Кроме газет и материалов, которые она утром приносила в качестве задания на день, частенько прибегал курьер с каким-нибудь листком с пометкой «срочно», и Лили приходилось все бросать и быстро делать перевод, пока Луиза, ее помощница по хозяйству, поила курьера чаем. Война в Испании была в самом разгаре, итальянцы и немцы помогали Франко, хотя не особо это афишировали. Как «правые», так и «левые» напропалую занимались дезинформацией, а потому задачей Лили и других переводчиков было вычленение из этого потока лжи крупниц правды. Ради этого приходилось перелопачивать кучу газет самого разного толка, искать совпадения или, наоборот, серьезные расхождения, и пытаться сформировать из этих разрозненных фактов целостную картину реального развития событий.

Пьер тоже работал, не покладая рук: и за «Леви» в своем ателье, придумывая эксклюзивные модели, и за «Монти», разрабатывая одежду для массового покупателя. При этом он даже не мог сказать, работа над каким сегментом доставляет ему большее удовольствие. Иногда ему даже казалось, что сделать платье из атласа или шелка проще, чем костюм из более простого материала. Тут требовалось передать красоту модели только с помощью покроя, потому что материал не помогал, и возможности отделки были строго ограничены бюджетом.

Они оба были страшно заняты, и им совершенно некогда было думать о войне.

Лили возвращалась из Бюро и решила зайти купить чего-нибудь к чаю. В основном продукты закупала Луиза, но Лили иногда хотелось побаловать Пьера чем-нибудь вкусным, тот был ужасным сладкоежкой. Уже подходя к повороту на улицу, где она знала несколько приличных кондитерских, она услышала шум, свист и крики. Группа мальчишек лет двенадцати окружила кого-то и, свистя и улюлюкая, бросала в них камни и комья грязи. Лили ускорила шаг, и увидела, что в центре находятся два мальчика, один постарше, почти подросток, другой лет десяти. Младший держал хозяйственную сумку, пытаясь закрыть ею голову и лицо. Старший тоже пытался уворачиваться, но, видимо, не особо успешно – по его лицу текла кровь, которую он размазывал грязной рукой.

– Эй, вы что это делаете?! – закричала Лили, возможно, впервые в жизни, так как раньше ей никогда не приходилось попадать в такие ситуации, – Немедленно прекратите!

Вид у нее был очень решительный, потому что мальчишки что-то крикнули и бросились врассыпную, растворяясь в переулках и проходных дворах. Лили хотела подойти к ребятам, которых били, но те тоже убежали от нее, не говоря ни слова. Из ближайшего магазинчика вышел хозяин, но, оценив ситуацию, только головой покачал.

– Боже, мадемуазель, ведь ничего не боятся, прохвосты, – сказал он. – Только что из пеленок, а уже убить готовы.

– За что они так? Что эти ребята им сделали?

– Эти? Да ничего не сделали. Наверное, сумку хотели отнять, или деньги, или просто поиздеваться.

– Поиздеваться? – не поняла Лили. – Почему?

– Потому что они евреи, – сказал мужчина как о чем-то само собой разумеющимся.

– Но это же ужасно! – изумилась Лили.

– Это просто жизнь, – сокрушенно сказал хозяин и повторил, – это просто у нас теперь такая жизнь...

– Но ведь это же не Германия! – не унималась Лили.

– Да, мадам, не Германия, а вы думаете, что есть большая разница?

– Но ведь они могли этих ребят просто убить, вы ведь видели...

– Я видел, мадам, но у меня стеклянные витрины. Сегодня они бьют этих пацанов, а завтра придут и разгромят мой магазин, – объяснил он свои страхи Лили, не понявшей связи между побоищем и витриной.

– Вы тоже еврей?

– Так же, как и вы, мадам.

Лили промолчала. Она не стала отрицать своих корней и даже немного удивилась, что хозяин лавки сразу это понял по ее внешности. Возможно, она недооценивала то, насколько отличается от окружающих. От этой мысли у нее пробежали мурашки по телу.

– Вы знаете, где эти ребята живут? – спросила она у мужчины.

– Знаю, но не советую вам вмешиваться. Вы настоящая дама и держитесь от этого подальше, пока можете. Пока сможете...

– Один из мальчиков был ранен. Я хочу убедиться, что ничего серьезного.

– Первый переулок направо, а там найдете во дворе, почти сразу за поворотом. Вы очень добры, мадам, но уверяю вас, что на всех вашей доброты все равно не хватит. И будьте осторожны, здесь стало не очень спокойно в последнее время.

– А что полиция?

Мужчина только рукой махнул и скрылся за дверями магазина.

Лили пошла в указанном направлении, зашла в нужный ей двор. Было не понятно, куда идти дальше, но она услышала немецкую речь из окна, расположенного почти вровень с тротуаром, и поняла, что пришла по верному адресу. Дверь ей открыла женщина лет тридцати пяти с маленькой девочкой на руках. Та с недоверием смотрела на хорошо одетую молодую женщину.

– Простите, – сказала Лили, – я случайно увидела, как мальчишки набросились на ваших сыновей, и пришла спросить, все ли с ними в порядке, не нужно ли показаться доктору.

– Доктору? – похоже, что женщина испугалась этого слова, – нет, не нужно доктора!

– Но у мальчика была кровь, – настаивала Лили.

– Это ничего, в этот раз это только шишка и царапина, это пройдет, не надо доктора, – было похоже, что женщина была встревожена не на шутку этим предложением, во всяком случае, значительно больше, чем тем, что ее сына побили.

– Я могу войти? – спросила Лили.

Женщина с неохотой посторонилась, впуская гостью внутрь. Старший мальчик сидел на стуле рядом с мойкой, и держал около раны мокрое полотенце. Лили увидела, что это действительно была царапина, но довольно глубокая. Младший удивленно смотрел на нее, спрятавшись за старшего брата. Комната была совершенно убогая: стол, несколько стульев, небольшой фанерный шкаф для кухонной утвари, мойка. Лили поняла, что это кухня. Женщина что-то сказала сыновьям по-немецки, они, молча, встали и ушли в соседнюю комнату.

– Я очень прошу, не надо доктора, – еще раз сказала женщина, и Лили прочла на ее лице страх и неприязнь.

– Конечно, не волнуйтесь, я не собираюсь никому ничего рассказывать. Но ведь их регулярно бьют. Надо ведь что-то делать!

– Здесь ничего не сделаешь, – сказала женщина, – абсолютно ничего.

– Вы беженцы из Германии?

– Да, поэтому у нас здесь нет никаких прав.

– Но, может быть, уехать?

– Уехать? Куда отсюда можно уехать?

– Я не знаю, – растерялась Лили.

– Здесь муж нашел хоть какую-то работу и нам некуда отсюда уезжать. Некуда, некуда, некуда...

Лили вдруг показалось, что она, а не эти несчастные беженцы, попала в ловушку, что стены этой обшарпанной комнаты сейчас именно ее раздавят. Она не могла больше здесь находиться, ей нечем было дышать. Открыв сумочку, она вынула из кошелька все деньги, которые у нее были с собой, и положила их на стол.

– Простите, это все, что у меня есть, – сказала она.

– Нет, мадам, не надо денег, не надо! Мы не голодаем.

Лили низко наклонила голову и вышла из комнаты, не сказав больше ни слова.

Она постаралась побыстрее оказаться подальше от этого места и от этих людей, которым, по большому счету, ничем не могла помочь. Дойдя до бульвара, она выбрала пустую скамейку и долго сидела, пытаясь понять, что же сегодня произошло. Неужели то, что она сегодня увидела – драка, а вернее избиение и издевательства, и та безысходность, в которой жили ни в чем не повинные люди, это то, от чего отец пытался ее уберечь? Когда он говорил о таком применительно к немецким евреям, то Лили казалось, что во всем виноваты нацисты, а здесь, во Франции, такого быть не может.

Но ведь сегодня евреев били не нацисты! Это делали дети, французские дети, которые принесли эту ненависть из своих семей. Значит, все это возможно и здесь, без всякого прихода Гитлера? А если он придет, то вполне возможно, что сами французы помогут ему выявить и посадить в лагеря всех евреев на своей территории. Что ей сказал хозяин лавки? «Держитесь от этого подальше, пока сможете». Что он имел в виду? Лили не знала, как ответить на этот вопрос, вернее, в глубине души знала, но ответ этот был до того ужасен, что она не хотела себе честно признаваться в этом. Вокруг ходили веселые люди, откуда-то доносился звук аккордеона, наигрывающий популярную мелодию. Все было, как всегда, но Лили больше не чувствовала себя в безопасности в городе, который всегда считала своим.

По дороге домой она решила ничего не рассказывать о случившемся Пьеру.

Париж, Ницца, Тулон, 1937 год

«Кругом война, а у нас праздник!» – так можно было охарактеризовать то, что происходило в Париже с самого начала 1937 года: Париж готовился ко Всемирной выставке³. Строго говоря, центр города уже несколько лет представлял собой сплошную стройку, на которой работало огромное количество архитекторов, строительных рабочих, скульпторов, художников. Многие знакомые Пьера, его однокашники по Школе декоративного искусства были тем или иным образом связаны с этой стройкой, и, хотя непосредственного участия он в ней не принимал, но был полностью в курсе происходящего. Выставка должна была открыться еще в тридцать шестом, но, естественно, сроки откладывались, работы вовремя завершить не удавалось, рабочие бастовали, и иногда складывалось ощущение, что она вообще никогда не откроется. Но к началу тридцать седьмого основные работы все-таки были завершены, леса, покрывавшие павильоны, были, наконец, сняты, и здания предстали перед зрителями в полном своем великолепии. Еще продолжались внутренние отделочные работы, но масштабность того, что получилось, уже можно было оценить – и она поражала воображение.

У Лили было смешанное чувство по отношению к этому мероприятию. Она не могла не видеть, как изменился город. Иногда эти изменения ей нравились, иногда – не очень и было жалко снесенных зданий, к которым она привыкла с детства. Тогда Пьер называл ее старым ретроградом и посмеивался над ее приверженностью традициям, говоря, что новое всегда требует разрушения старого. Лили же не понимала, зачем рушить то, что красиво, что уже столько лет служит верой и правдой. Но порой и она засматривалась на новые формы и современную отделку зданий. Это точно было искусство, жаль только, что оно строилось на «трупах» старых сооружений. Лили это воспринимала именно так, и дома ей было жалко, как будто они были живые.

Девизом выставки было что-то типа «Искусство и техника в современной жизни», и Лили спросила, почему Пьер не участвует в ней со своими платьями, ведь они точно являются искусством.

– Возможно, дорогая, что только ты так считаешь, – попытался отшутиться Пьер, но потом вполне серьезно сказал, что в будущем, он надеется, что это поймут и остальные.

Лили увидела, что затронула болезную тему, ведь каждый художник считает себя творцом, и обидно, когда другие думают, что ты – только ремесленник, пусть и очень хороший. Ах, как бы ей хотелось, чтобы все, а не только небольшая группа его клиентов, видели, какой он талантливый, какие шедевры может создать из ткани и аксессуаров, совместив их только ему подвластным образом, чтобы каждая модель была неповторима.

Выставка открылась в конце мая, но на открытии они не были, побоявшись, что их там затопчут. Однако, начиная с середины июня, они практически каждый выходной проводили там, потому что на выставке было так много интересного, что ни за один, ни даже за два раза все не посмотришь. Пьера больше интересовало прикладное искусство, поэтому они подолгу застревали в павильонах, где выставлялись изделия народных мастеров. Иногда он даже делал зарисовки, которые, Лили это знала, потом станут основой будущих эскизов его работ.

– Посмотри, Лили, какая шикарная вышивка, какие прекрасные цвета, – говорил он ей в каком-нибудь колониальном павильоне, – ну почему наши женщины боятся на себя такое надеть?! Ведь, казалось бы, чем меньше солнца, тем ярче надо одеваться, иначе совсем тоска. А мне приходится работать только с черным и белым.

³ Всемирная выставка 1937 года проходила с 25 мая по 25 ноября в Париже под девизом: «Искусство и техника в современной жизни». Участие во всемирной выставке приняли 47 стран. Борьба за главный приз развернулась между павильонами СССР и Германии. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Всемирная_выставка_\(1937\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Всемирная_выставка_(1937)).

– Я бы такое тоже не надела, – соглашалась Лили, – все бы смотрели на меня, как на попугая. Но вышивка, действительно, дивная!

– Просто ты боишься выделиться из толпы, – поставил он ей свой диагноз.

– Похоже, что я и так выделяюсь, – скорее себе, чем ему, сказала она.

Пьер никак не отреагировал на это ее замечание: то ли не услышал, то ли отвлекся на какой-то другой рукотворный шедевр.

Много раз он пытался затащить Лили в немецкий павильон, но безуспешно – она категорически отказывалась туда заходить. Даже, проходя мимо него, она всегда отворачивала голову, чтобы не видеть свастику на огромных знаменах, развевавшихся перед зданием.

– Никогда не думал, любимая, что тебя так смущают голые мужские тела, – подтрунивал над ней Пьер, имея в виду скульптурные группы обнаженных людей по обе стороны от входа.

– А я никогда не думала, что мне все время придется ходить мимо голых мужиков с гениталиями размером с человеческую голову, – парировала она. – По-моему, это какое-то извращение.

– А как же античные статуи? Или здесь тебе не хватает фиговых листков на причинных местах?

– Про античные статуи не знаю, Давид Микеланджело меня совершенно не смущает, а эти... Они меня не смущают, а пугают. Они у меня ассоциируются не с эротикой, а с изнасилованием.

– Лили, родная, не надо так близко к сердцу это воспринимать. Но, вообще, я тебя понимаю, – сказал он после паузы, – они и вправду ужасны и полны отрицательной энергии. Я в какой-то газете прочитал, что советский и немецкий павильоны – это идеология в камне. Может не дословно, но что-то вроде этого. Вот если бы мне пришлось одевать эту даму, – он показал рукой на женскую фигуру в правой композиции, – я, наверное, отказался бы. Не могу представить ничего более отвратительного.

Лили кивнула. Вот за это она и любила мужа – он, хотя и посмеивался над ней, но всегда ее понимал.

Как-то они зашли в Музей человека⁴ в южном крыле Дворца Шайо потому что там работал один из друзей Пьера. Лили этот белый дворец нравился, да и само место было великолепным: отсюда открывался потрясающий вид на Эйфелеву башню, а парк Трокадеро с его каскадом фонтанов был воистину роскошен! Пьер пошел общаться со своим знакомым, а Лили осталась рассматривать коллекцию музея. Нельзя сказать, что она была большой поклонницей этнографических музеев, но здесь точно было на что посмотреть. Лили бродила по залу, рассматривая черепа и мумии. Как ни странно, но этот зал, полный артефактов, связанных со смертью, не наводил на нее уныние. Ей хотелось представить, как выглядел человек, череп которого сейчас лежал под стеклом, чем он занимался, о чем думал, сильно ли он отличался от ее современников.

– Не бойтесь мертвых? – услышала она у себя за спиной.

Молодой мужчина смотрел на нее с интересом, его взгляд был чуть насмешливым, но не вызывал чувство неудобства.

– Во всяком случае, этих не боюсь, – ответила Лили, – я надеюсь, они надежно упакованы.

⁴ Музей человека – антропологический филиал Парижского музея естествознания. Расположен в XVI округе Парижа, в южном павильоне дворца Шайо. Музей был основан в 1937 году в связи с проведением предвоенной всемирной выставки. Его предшественником был Этнографический музей Трокадеро, открытый в 1878 году. Музей унаследовал коллекции существовавших во Франции с XVI века «кабинетов редкостей», а также Королевского кабинета. Позднее собрание музея постоянно пополнялось. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Музей_человека_\(Париж\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Музей_человека_(Париж)).

– Да, мы старались, как могли, – засмеялся мужчина. – Я Борис, Борис Вильде⁵, – он протянул ей руку.

– Лили Леви, очень приятно, – она пожала протянутую руку, – вы здесь работаете?

– Да, имею честь. Так вам нравится здесь?

– Пожалуй, что да, во всяком случае, здесь спокойнее, чем снаружи.

– Хотел бы я знать, что вы имеете в виду, говоря это. Вы же не о толпах, которые заполняют выставку? Впрочем, к нам народ и вправду заходит не так часто, так что в этом смысле здесь тоже значительно спокойнее.

Лили улыбнулась.

– Да, я имела в виду несколько иное. Здесь возникает ощущение, что все страхи этих людей уже позади, далеко позади.

– Я понимаю, о чем вы. Факт уже свершившейся смерти определенным образом избавляет от волнений. Были в немецком павильоне? – спросил он, при этом его большие серые глаза внимательно изучали реакцию Лили на его вопрос.

– Нет, и не собираюсь.

– Ясно, – протянул он, и ей показалось, что он улыбнулся, хотя она не была до конца в этом уверена, – не ваш стиль, значит?

– Нет, не мой.

– Это очевидно, я просто проверял. Я ученый, знаете ли, поэтому проверка гипотез у меня в крови.

– И какая же была гипотеза? – поинтересовалась Лили.

– Была гипотеза, что вы из тех, кому это не может понравиться по определению.

– Имеете в виду национальность?

– Национальность? Нет, конечно же, нет! Про это я даже не подумал. А вы еврейка?

– Не знаю, как ответить на этот вопрос. Из португальских евреев, насильно крещенных еще в шестнадцатом веке. Но если рассматривать меня в контексте расовой теории Гитлера, то да, еврейка. Для вас это проблема? – сказала она, с некоторым вызовом посмотрев на собеседника.

– Упаси боже, Лили, конечно же, нет. Я русский интеллигент, нам эти чувства не присущи.

– Вы русский?

– Да, почему вас это удивляет?

– Ваш французский идеален.

– Так же, как и английский, немецкий, эстонский.

– Эстонский? Я, простите, даже не очень знаю, где это, и какой там язык.

– Маленькая страна на берегу Балтийского моря. Когда-то была частью Российской империи, которая, в свою очередь, отвоевала ее у Швеции в восемнадцатом веке. После революции получила независимость, а язык похож на финский, во всяком случае, относится к той же группе.

– Исчерпывающе! – восхитилась Лили. – Вы уже были в советском павильоне? Что вы об этом думаете как русский?

– А вы – как француженка?

– Там красиво! И очень, – она некоторое время подыскивала нужное слово, – очень богато. Я впечатлена, если честно.

– Если на вас это произвело впечатление, значит, цель достигнута.

⁵ Борис Владимирович Вильде (25 июня (8 июля) 1908, Санкт-Петербург – 23 февраля 1942, Форт Мон-Валерьен) – русский поэт, лингвист и этнограф в Музее человека в Париже, участник французского Сопротивления, один из основателей и редактор газеты Résistance («Сопротивление»). Был расстрелян нацистами в 1942 году. https://ru.wikipedia.org/wiki/Вильде,_Борис_Владимирович

– Вы хотите сказать, что все это не правда?

– Я тоже там был, и все пытался понять, чему там можно верить.

– И как? Поняли?

– Все, что там представлено – это факты: красивое метро, мощные самолеты, трактора, карта индустриализации. А вот интересно, о чем они умолчали. У меня все время было ощущение, что это не вся правда. Я не верю в страну, которой они пытаются себя представить.

– Почему?

Борис долго молчал. Лили смотрела на этого совсем еще молодого человека и удивлялась тому, насколько глубоко и нестандартно он мыслит. Она вспомнила отца: вот с ним ей было так же интересно разговаривать. Даже Пьер, пожалуй, не дотягивал до этой планки не потому, что был глупее, просто его интересы лежали скорее в плоскости искусства, а не политики.

– Спрашиваете, почему... Я, как ученый, знаю, что прогресс – дело очень не быстрое. Это под гору скатываться легко, а подниматься куда сложнее и медленнее. Советской власти всего двадцать лет, из них лет пять ушло на гражданскую войну, голод, разруху. Вы верите, что за пятнадцать лет можно сделать такой рывок? Я – нет! То, что мы видим – это витрина, красивая витрина, а что там за ней, мы не знаем. Страна закрытая, поехать и посмотреть собственными глазами нельзя.

– Но ведь кто-то туда ездит? Я слышала, что многие эмигранты возвращаются.

– Не многие, но некоторые – да, возвращаются.

– И что? Что они пишут?

– Ничего. Связь прерывается. Это мир за стеной: даже если они и пишут, то их письма не доходят до адресатов.

– Как странно!

– Не странно, если не хотеть, чтобы о тебе узнали правду.

Лили понимала, что он прав, хотя ей так хотелось верить, что где-то есть страна, в которой все хорошо, люди живут счастливо, потому что надеются на то, что все трудности временные и преодолимые.

– Борис, вы не любите советскую власть? – спросила она.

– Нет, не люблю. Мне было десять, когда мы уехали из страны, я мало, что помню, но по рассказам матери и ее друзей мне удалось воссоздать довольно целостную картину того, что в те времена происходило. И вам бы та картина не понравилась.

– Но это же ужасно! Получается, что сейчас в мире выхода вообще нет: если вы против коммунистов, значит вы – фашист, а если наоборот – то должны признавать коммунистов. Третьего варианта ведь нет?

– Да, очень правильно подмечено. Давайте вернемся к этим павильонам, которые стоят друг против друга. Вам не кажется, что они, как близнецы, ну, или, по крайней мере, как близкие родственники? Я сейчас только про эстетику говорю. Ну, присмотритесь, это абсолютно один и тот же стиль.

– Согласна, мне муж сказал то же самое – «политика, заключенная в камне».

– Ваш муж абсолютно прав. У нас нет никаких фактов, но есть эстетика, и по ней мы можем судить об идеологии. И вывод, который я могу сделать из этого сравнения, мне и самому не нравится, Лили.

– А, вот ты где, дорогая! Ты уже познакомилась с Борисом?

– Вы друг друга знаете? – удивилась она.

– Я уже заходил сюда пару раз по делам, так что мы виделись.

– Конечно, а еще моя жена большая поклонница работ вашего мужа, – улыбнулся Борис, – как, впрочем, и все женщины Парижа, я думаю.

– Не преувеличивайте, Борис. Я скромный портной, не больше. Лили, мне надо тут остаться еще на некоторое время, думаю, на час. Можешь погулять без меня, а я тебя потом где-нибудь встречу?

– Пьер, если не возражаете, я составлю вашей жене компанию. У меня давно не было такого приятного собеседника. А мне все равно надо встретить жену около испанского павильона. Вы там уже были, Лили?

– Нет, не была. Я с удовольствием пройду. Найдешь меня там? – повернулась она к Пьеру. Он только молча кивнул.

Борис повел ее вдоль фонтанов по парку, где народ наслаждался отличной погодой бабьего лета, Из репродукторов лилась веселая музыка, но разговор у них складывался далеко не праздничный.

– Вот посмотрите на Испанию, – говорил Борис, – там сейчас как раз война между этими двумя силами – фашизмом и коммунизмом. И фашизм побеждает. Почему?

– Потому что Франко помогают и итальянцы, и немцы.

– Да, а коммунистам помогают русские, но не только в этом дело. Народ раскололся, вся страна встала по разные стороны баррикад. Если бы коммунизм был настолько хорош, как нам хочется, то большинство народа было бы с республиканцами, но ведь этого нет. Это гражданская война надвое расколотой нации, где многие – против коммунистов, анархистов и других партий более или менее коммунистического толка. Здесь вообще нет простых решений, которые устраивали бы большинство.

– Я совершенно во всем этом запуталась, – призналась Лили. – Я ведь переводчик с испанского, а потому перевожу столько противоречивой информации, что у меня просто голова идет кругом от всего этого. Я только знаю, что ненавижу немцев. Простите, наверное, нельзя так говорить, но я вижу, что они делают со своими гражданами, которых выгоняют из страны без гроша за душой, отбирают все, и я не могу иначе думать.

– То, что сейчас там происходит, ужасно, я согласен. И боюсь, что это только начало.

– Думаете, что война все-таки будет?

– Да.

– Между Францией и Германией?

– Между ними, и не только. Здесь такой клубок противоречивых интересов... Слыхали про «гордиев узел»? В один момент кто-то поднимет меч, чтобы его разрубить, но вовлечены будут все – сказал Борис. – А, вот и моя жена!

Им навстречу шла молодая женщина с короткой стрижкой по последней моде. Она поцеловала Бориса в щеку и повернулась к Лили.

– Моего мужа ни на минуту нельзя оставить без пригляда: только отвернешься, а он уже с новой красавицей, – шутливо попеняла она.

– Лили, познакомьтесь, это Ирэн, Ирэн, это Лили Леви, – представил он женщин друг другу.

– Жена того самого Леви?

– Того самого, – засмеялся Борис, а вслед за ним и Лили.

– Что ж, у него отличный вкус, – смеясь, сказала Ирэн. – Идете смотреть на «Гернику»⁶?

– «Гернику»? – не поняла Лили.

– Ну да, картину Пикассо!

– Я ничего о ней не слышала, – призналась Лили.

⁶ «Гёрника» – картина Пабло Пикассо, написанная в мае 1937 года по заказу правительства Испанской Республики для испанского павильона на Всемирной выставке в Париже. Тема картины, исполненной в манере кубизма и в чёрно-белой гамме, – бомбардировка Герники, произошедшая незадолго до этого, 26 апреля 1937 г. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Герника_\(картина\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Герника_(картина))

– О, вы обязательно должны это увидеть, – сказал Борис. – Мне очень жаль, что нам с Ирэн нужно уходить, но я надеюсь, что это не последняя наша встреча.

Они пожали друг другу на прощание руки, и Лили подумала, что тоже хотела бы, чтобы они стали друзьями. В мире, который все больше раскрашивался в черно-белые тона, очень важно было иметь людей, которые будут стоять с тобой по одну сторону баррикады.

Перед испанским павильоном народу было совсем немного. Странная абстрактная скульптура перед входом, похожая на высокую колонну с чем-то красным наверху, не произвела на Лили никакого впечатления. Она вошла внутрь, где также было много работ в том стиле, который ей совсем не нравился: острые углы, яркие краски и совершенно не понятные сюжеты. Так, оглядываясь по сторонам и изредка останавливаясь, чтобы прочесть название картин, она прошла до того зала, где всю стену занимало огромное полотно. Сначала Лили показалось, что она написана прямо на стене, и, только подойдя поближе, она разглядела фактуру холста. Холста, на котором были только черный и белый цвета...

Никогда еще у нее не было столь странного чувства по отношению к произведению искусства: эта картина не могла нравиться, но от нее невозможно было оторвать глаз. Это был хаос, нагромождение тел людей и животных в страшных, неестественных позах, пятна света, вырывающиеся из тьмы то одну, то другую маску смерти. У Лили холодок пробежал по спине, ей захотелось бежать от этого ужаса, который, казалось, был разлит в воздухе, но она не могла двинуться с места.

Несколько месяцев назад она переводила информацию о ковровой бомбардировке баскского города Герника, которую осуществили немецкие фашисты при участии самолетов Италии. Город практически был стерт с лица земли, масса людей погибла под завалами зданий, пожар, охвативший весь город, не могли потушить три дня. Лили тогда ужаснулась этому, как, впрочем, и весь мир, но потом другие события заслонили, вытеснили это чувство, ведь это была война, там каждый день кого-то убивают, и жертвы исчисляются сотнями.

Сейчас, глядя на это полотно, она словно попала в замкнутый мир этого страшного дома, потолок которого уже рушился на головы людей и животных, оказавшихся в ловушке, и она была вместе с ними. Вот рядом с ней женщина, которая держит на руках ребенка, еще не осознавая, что он умер. Лили слышит дикий стон раненой лошади, свист бомб, скрежет металла. Рядом с ней человек, разорванный на куски, а его оторванная рука сжимает сломанный меч. Это было, как в страшном сне – Лили продвигалась то в полной темноте, то выходила на неестественно яркий электрический свет, и картины, которые в этом свете открывались, ее потрясали. Все полотно было невероятно статичным, как будто художник хотел запечатлеть мгновение ужаса, сохранить его для зрителей. «Почему „как будто“, – подумала Лили, – именно этого Пикассо и хотел. Ему надо было, чтобы она не смогла забыть того кошмара, который испытали люди, когда их жизнь в один момент превратилась в ничто».

Когда Пьер появился в павильоне, он нашел Лили там, перед картиной. Она стояла, прижавшись к стене, была бледной и едва могла говорить. Он аккуратно вывел ее на улицу и посадил на скамейку. Они оба молчали, понимая, что здесь нечего обсуждать. Они живут в мире, который вот-вот рухнет им на головы – это лишь вопрос времени. А сверху, с крыши немецкого павильона, на них смотрел орел, сжимавший в когтях свастику. Он был безжалостно спокоен и сосредоточен, он просто высматривал очередную жертву и знал, что ей от него не убежать.

Больше выставку они не посещали, и Пьер старался не вспоминать, как тяжело Лили приходила в себя после похода в испанский павильон. Он знал, что искусство может, вернее, должно влиять на людей, но не представлял, что настолько. Она несколько дней ходила подавленная, а потом, когда однажды они шли по Монмартру, был тихий вечер, из ресторанов доносила музыка, и ему казалось, что все уже прошло, она вдруг спросила его, глядя на горящие огнями окна ресторанов и кабаре: «Дорогой, ты можешь себе представить, что всего этого не будет?». Тогда он понял, что тот страх, который она испытала, глядя на картину Пикассо, никуда не делся, он будет теперь частью ее жизни, их жизни.

– О чем ты? – спросил он на всякий случай, хотя догадывался, что она ответит.

– О войне, о том, что мы живем в каком-то странном мире, где все говорят о гуманизме, а человеческая жизнь не стоит и гроша. Когда будет война, то всего этого больше не будет.

– Да, возможно, но, когда она закончится, то все опять возродится, и станет еще красивей.

– Это, если мы победим.

– Да, когда мы победим.

Она надолго замолчала.

– Лили, тебе не надо думать об этом постоянно. Ты же просто изводишь себя!

– Я каждый день прочитываю тонну газет, я живу внутри этих газет, мне иногда кажется, что я сама нахожусь на испанской войне, что это в меня стреляют, причем как фалангисты, так и республиканцы, Я не могу не думать об этом, пойми!

– Возьми отпуск, договорись в Бюро. Давай я отправлю тебя к Жано в Ниццу. Там сейчас сыро и прохладно, но ты отдохнешь от Парижа. И ему будет повеселее, а то сидит там один в этом большом доме. После отъезда Матильды уговаривал его переехать, но этот упрямец – ни в какую.

– А ты?

– Я постараюсь разобраться с делами и тоже приехать. Ты ведь знаешь, что перед Рождеством у нас всегда большой наплыв публики, и всем нужно к конкретному числу, поэтому запарка. Но я что-нибудь придумаю. Договорились?

Она не сказала «да», но и не отказалась – похоже чувствовала, что ей, действительно, нужен перерыв. Поэтому в первых числах ноября Пьер посадил ее в поезд, отправлявшийся на юг, а сам остался с Луизой, которая должна была следить за тем, чтобы он хорошо питался и ходил в чистых рубашках. Пьер только улыбался, глядя на ее попытки обеспечить ему нормальный быт в свое отсутствие. Как будто она не понимала, что с бытом он и без Луизы справится, а вот как быть со всем остальным? Утренний кофе без нее все равно не будет тем, что ему надо для хорошего настроения, а еда без нее будет пресной независимо от того, в каком ресторане он будет ужинать. Это уж не говоря о сексе...

– Скажи, Лили, у вас с Пьером все в порядке?

Лили с Жано сидели на кухне. Было прохладно, поэтому Жано разжег камин и подвинул свой стул поближе – от сырой погоды у него всегда ныли старые раны.

– Конечно, нормально, почему ты спрашиваешь?

– Просто показалось, что ты какая-то грустная.

– Это правда. Я не грустная, мне просто очень страшно. Это не имеет никакого отношения к Пьеру, я очень его люблю, ты же знаешь, но во мне сейчас сидит какое-то чувство, что в один миг это может все закончиться, понимаешь?

Жано кивнул. Он набил трубку и, молча, закурил. Запах хорошего табака пробудил в Лили воспоминание об отце, и она смахнула слезу, не желая расстраивать Жано. Тот сделал вид, что этого не заметил. Он грел больную ногу, курил и жмурился от удовольствия.

– Я знаю, девочка, что тебе тяжело и страшно. Мы вообще живем в страшные времена. А когда, скажи мне, они были не страшные? Меня вот сейчас значительно больше тревожит, что цены на мое вино опять упали, хотя, что это по сравнению с проблемами войны и мира! Я это понимаю, но мне нужно заплатить рабочим, нужно починить крышу дома, да мало ли что еще мне нужно сделать, и я думаю о ценах, а не о войне. Ты меня понимаешь?

– Не знаю, не совсем.

– Я не большой специалист объяснять. Надо просто жить и радоваться каждому дню, который дарит Господь. И чем страшнее жизнь, тем больше радоваться. Если бы я все время думал о войне, а, как ты понимаешь – от нас до Муссолини рукой подать, то я давно бы все бросил, крышу бы не чинил, виноград не выращивал. Зачем, если придут и все порушат. А я вот, видишь, еще трепыхаюсь, думаю о текущих проблемах. И ты должна такому научиться.

– Но как?

– У каждого свой рецепт. Могу только рассказать тебе, как меня самого учили на войне старые солдаты. Интересно?

– Конечно! Тебе там было страшно?

– Поначалу очень. Но ведь что такое страх? Большинство боится не самой смерти, а что будет, если ранят, боли бояться, бояться остаться инвалидом. А что будет с семьей, если убьют? Ну, словом, много чего бояться. И я, конечно, тоже боялся, тем более что старшего брата уже убили. Отец был старым, а племянники – еще дети. Я – единственный взрослый мужчина в семье. Как они без меня? Очень меня мучила эта мысль. Меня от этого страха вылечил наш сержант, очень хороший человек был, погиб в самом конце войны. Он нас тогда собрал, посмотрел на наши тоскливые физиономии и говорит: «Знаю я, парни, о чем вы думаете. Так вот у нас тут есть одно правило – все мысли о доме, семье, девушках собираются в один большой мешок и прячутся в самой дальней коморке вашей дурацкой башки. Эту коморку запираете на самый большой замок, какой только есть, и ключ прячете до самого окончания войны. Поняли?» Мы сказали «да», хотя тогда еще ничего не поняли. Дальше он говорит: «Значит, освободили вы свою голову от всякой домашней ерунды и думаете только об одном – как выжить в этой чертовой войне. Не как больше врагов убить, это вы и так сделаете, если живыми будете, а как просто выжить. Это значит, что надо научиться почти не есть, спать на голой земле, часто еще и под дождем, работать хуже самого жалкого раба и радоваться, что сегодня ты еще жив и можешь съесть практически несъедобную еду, чтобы завтра опять были силы все это перенести». Вот так он нас напутствовал тогда, и по факту, оказалось, что он был во всем прав.

– Ты научился так жить? – с недоверием спросила Лили.

– Захочешь выжить – научишься. И ты сможешь, если постарайся. Просто надо отключить воображение.

– Отключить воображение?

– Конечно. Ты все время пытаешься представить, как ты будешь жить, если начнется война, и как тебе будет плохо. А ты должна думать о сегодняшнем дне, и, когда будет война, тоже думать не о том, как это ужасно, а о том, где достать продукты, дрова, как спастись от бомбежки, что сделать, чтобы сегодня выжить тебе и твоей семье. И за каждый прожитый день благодарить Бога.

– И это работает?

– Еще как работает! Ведь ты не можешь позволить себе роскошь быть слабым. Это только для мирного времени, да и то не для всех, а для тех, у кого есть тот, на кого ты можешь перевалить свои трудности, пусть он их несет. У тебя есть такой человек?

Он смотрел на Лили испытующе, ждал ответа, но не торопил с ним. А Лили смотрела на огонь и пыталась понять, есть ли у нее тот, на чьи плечи она может взвалить свою ношу. Раньше это был папа. Она была маленькая, и он охранял ее от всего мира. Теперь папы нет рядом, да и она уже выросла. Когда она приняла решение остаться в Париже, она вышла из под папиной опеки. Детство кончилось именно тогда, а не когда она вышла замуж за Пьера.

Пьер... Пьер сделает все, чтобы защитить ее, даже в ущерб собственным интересам. Если бы она согласилась тогда уехать, то он все здесь бросил бы, чтобы ей было хорошо и спокойно. Но ей тогда казалось, что она уже взрослая и может принимать самостоятельные решения. Значит и надо вести себя по-взрослому, а не ждать, что Пьер от всего ее защитит. Как сказал Жано, она не может позволить себе быть слабой.

– Да, Жано, у меня есть такой человек, ты это прекрасно знаешь, но я не хочу взваливать на его плечи больше, чем он может вынести, потому что я очень его люблю. Ты прав, я постараюсь научиться записывать свои страхи на замок. А, кстати, где надо держать ключ от этого замка, – спросила она.

– Хороший вопрос, девочка! Его надо спрятать от самого себя, потому что, если он будет под рукой, то все время будет соблазн открыть этот чертов замок. Я бы мог сказать, что лучше всего этот ключ совсем выкинуть, но так не получается. Знаешь, какие дни на войне самые грустные? Это даже не те, когда приходится друзей хоронить, поверь мне. Это когда письма приходят. Вот тогда и открываются эти замки, достаются из котомки эти страхи, и они делают тебя слабым и уязвимым. После писем опять приходится начинать все с самого начала, а это, поверь, ох, как сложно!

– Ты хочешь сказать, что лучше вообще не получать писем из дома? – изумилась Лили.

– Как ни странно, но я бы запретил переписку с солдатами, она им только мешает сосредоточиться. Не удивляйся, я знаю, о чем говорю. Никто не должен получать вести из дому, когда воюет.

– Как странно и жестоко!

– Нет, не странно и не жестоко. Просто разумно. Но что мы все про войну, да про войну. Расскажи мне, какие вести из Америки. Что пишут родители?

– У них все в порядке. Сестры учатся в школе, папа открыл небольшой магазин, мама ему помогает. Живут, конечно, не так роскошно, как здесь, но папа вообще никогда не жалуется. Пишет, что есть трудности, но он их решает.

– Это правильно: есть трудности – начинаешь их решать, живешь только сегодняшним днем.

– Нет, ты не прав: жить только сегодняшним днем – это точно не про моего отца. Он всегда старается спланировать все заранее.

– Правильно, а когда спланировал, то больше не мучает себя сомнениями, а решает только текущие задачи, – подхватил ее мысль Жано.

– Да, возможно, что так, – согласилась Лили.

Она попробовала представить папу, как бы он отреагировал на эти странные принципы Жано – жить только здесь и сейчас, не задумываясь о будущем. Очень может быть, что он сказал бы, что это совсем не глупо – отодвигать свои страхи за пределы сознания и сосредотачиваться только на том, что важно сегодня. Возможно, что выразился другими словами, привел бы иные аргументы, но мысль эта, скорее всего, ему бы понравилась. А Пьер? Пьер так и живет, думая о прекрасном, а не о предстоящих ужасах, которые он все равно предотвратит не может. Он в этом зыбком мире имеет то, что наполняет его радостью – свою работу и их любовь. А Борис? Он тоже увлечен работой, и, похоже, что может вполне счастливо жить с Ирэн, хотя тоже отлично понимает все, что его окружает. А раз все люди, которых она любит и уважает, могут так жить, то, значит, и ей нужно выработать в себе этот навык.

– Жано, а ты знаешь способ, как этому научиться? Ну, например, слова какие-то волшебные, чтобы как заговор работали?

– Слова волшебные? Нет, думаю, что каждый должен что-то свое придумать. Это должно быть что-то такое, что выключает твои страхи. То, о чем ты думаешь, чтобы переключить себя от грустных мыслей.

– А ты о чем думаешь? – спросила Лили.

– Я думаю о вине. Не в смысле, чтобы выпить, а о том, что нужно сделать, чтобы оно было еще лучше. Точно! Когда мне плохо, я думаю о вине. А ты о чем?

– Я пока не знаю, но точно не о вине, – засмеялась Лили.

– Ну, каждому свое, – развел руками Жано и тоже засмеялся.

«Как оказывается сложно контролировать свои мысли», – думала Лили. Она уже две недели жила у Жано, помогала ему по хозяйству, готовила еду, днем гуляла по окрестностям и все время приучала себя не думать о войне. Утром ее первая мысль была о Пьере, да и вторая, третья... Она очень по нему скучала, и, если бы ее спросили, какие мысли доставляют ей радость, то она точно знала бы, что ответить. Но ей никак не удавалось запретить на замок свои страхи. Они возвращались к ней, как только она открывала газету или включала радио. В городе ей попадались беженцы, ее уже наметанный глаз выделял их из толпы, и это тоже отдавалось болью в сердце. Когда она рассказала об этом Жано, то он пожал плечами.

– Тебе просто нечем заняться, Лили. Был бы у вас ребенок...

– Нет! Было бы еще страшнее!

– Ладно, согласен, за ребенка всегда страшно, но тогда займись чем-то полезным. Я слышал, в городе есть какие-то организации, они помогают нуждающимся. Попробуй узнать, может, им нужна дополнительная пара рук.

Как найти такую организацию, Лили не особо представляла, поэтому просто остановила на улице женщину, явно из беженцев, и спросила, не знает ли она, куда можно обратиться по вопросу помощи. Женщина была немолодая, седые волосы, усталое лицо, но одежда, хотя и поношенная, но хорошо сшитая, когда-то модная и дорогая, а теперь уже сильно стоптанная, обувь, говорили о том, что их хозяйка знавала лучшие времена. Она с недоверием посмотрела на молодую, красиво одетую женщину, но в лице Лили не увидела ничего, кроме заинтересованности, поэтому сказала ей адрес, по которому, проплутав немного по улицам старого города, Лили обнаружила католический храм. Очень небольшой, стоящий в глубине двора и практически спрятанный кронами росших рядом деревьев, летом он был бы вообще не виден с улицы. Но сейчас, когда листья облетели, его остроконечная крыша, окруженная колоннами кипарисов, четко выделялась на фоне осеннего неба.

Рядом с храмом был небольшой домик, дверь которого была открыта. Лили на всякий случай постучалась и вошла в проходную комнату. У плиты стояла женщина лет шестидесяти в клетчатом фартуке, надетом поверх толстой шерстяной кофты. Не прекращая помешивать большой деревянной ложкой в котле, она повернула голову в сторону вошедшей. Женщина молча выслушала объяснения Лили, потом сделала маленький огонь под кастрюлей, накрыла ее крышкой и вытерла руки о передник.

– Ну что ж, давай знакомиться, я – мадам Арно, – протянула она руку Лили. – Ни от какой помощи мы не отказываемся, если хочешь что-то делать – хорошо! Нужно готовить, вещи разбирать, мы кормим людей три раза в неделю, а вещи можно взять всегда, когда я здесь. Через час народ начнет приходить, обычно к трем уже заканчиваем, но потом надо кастрюли помыть, убрать тут все. Если честно, то мне одной тяжело, а постоянных помощников нет. Люди приходят, забирают обед и уходят, пока он еще теплый. Если поможешь, будет хорошо.

– Я готова, только скажите.

– Пойдем, посортируй вещи: детские отдельно, взрослые отдельно. А то они в поисках нужного все тут переворачивают, потом приходится все это опять собирать, я раньше вечера домой вообще не попадаю.

Она открыла дверь в соседнюю комнату. Лили обдало запахом ветоши, чужого тела, лаванды, которую хозяйки обычно используют, чтобы моль не заводилась в сундуках, нафталина и от этого запаха ее затошнило.

Она вспомнила этот запах: так пахло в лавке старьевщика месье Коэна, куда они с мамой относили иногда ненужные вещи. Лили там было почему-то ужасно неуютно, она поэтому старалась не заходить в лавку, ждала маму на улице. Как-то раз даже сказала, что не понимает, как можно здесь что-то покупать? Мама тогда то ли рассердилась, то ли расстроилась на это ее замечание и сказала ей, что не надо быть снобом, что не всем людям так повезло в жизни, как им. Лили не знала, что такое «сноб», но поняла, что это что-то очень нехорошее, и что она маму разочаровала своим поведением. Она помнит, что всю дорогу думала, чем бы загладить свою вину перед мамой, но так и не придумала. Ей тогда было лет восемь, а сейчас ей двадцать четыре и теперь ей предстоит копаться в старых вещах, как месье Коэн, и дышать таким же спертым воздухом. На какую-то минуту ей захотелось бежать отсюда, но она понимала, что никогда так не поступит. Лили чуть помедлила на пороге комнаты, но потом решительно шагнула туда вслед за мадам Арно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.